ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 100 (2483) Среда, 15 декабря 1948 г. Цена 40 коп.

Источник вдохновения

Сегодня начинает свою работу пленум правления Союза советских писателей. В повестке дня — насущные вопросы развития нашей многонациональной литературы: доклады о состоянии и очередных задачах братских—армянской, латышской и казахской литератур, вопросы развития нашей театральной и кинодраматургии.

Успехи любого из отрядов советской литературы, достижения в любом из ее жанров целиком зависят от того, насколько сознательно и последовательно осуществляют писатели в своем творчестве направляющие указания партии, насколько серьезно изучают они нашу социалистическую действительность, насколько глубоко проникают в процессы ее развития. Наша современность — вот неиссякаемый источник вдохновения литературы!

Самым замечательным фактом в послевоенной казахской литературе является рождение больших форм художественной прозы, что для этой литературы означает особенно крупный шаг вперед. Появление такого произведения, как роман М. Ауэзова «Абай», посвященного выдающемуся просветителю казахского народа Абаю Кунанбаеву, — успех не только казахской, но и всей нашей советской литературы в целом. Казахские прозаики стремятся овладеть темами современности, показать новых людей нынешнего социалистического Казахстана. Повесть Г. Мустафина «Миллионер», роман С. Муканова «Сыр-Дарья», хотя и страдают значительными недостатками, все же не могут быть оценены иначе, как яркий признак художественного и идейного возмужания казахской литературы.

Значительные достижения в своем развитии на пути социалистического реализма имеет молодая советская литература Латвии. Широко известны роман А. Упита «Зеленая земля», «Буря» В. Лациса — огромная эпопея, охватывающая значительный период от установления советской власти в Латвии до организации после войны первых колхозов, роман А. Саксе «В гору» — о новых процессах в латышской советской деревне, пьеса А. Григулиса «Глина и фарфор» — о новом отношении латышского рабочего к труду, сборник стихов Я. Судрабкална «В братской семье».

Армянская советская литература, обладающая прекрасными традициями и большими достижениями, по праву занимает выдающееся место в ряду братских литератур советского народа. Однако в последнее время в развитии этой замечательной литературы одного из даровитейших братских народов нашей Родины сказываются серьезные недостатки и слабости. Некоторые армянские писатели чрезмерно увлекались темой далекого прошлого, нередко впадая в его идеализацию. Увлечение исторической темой повело к отрыву ряда писателей от бурно развивающейся современности.

В отчетном докладе на XIV с'езде КП(б) Армении тов. Г. А. Арутюнов указал, что «хотя за последнее время вышли в свет произведения на современные темы — Наири Заряна «Ацаван», А. Сираса «Отец и сын», Гр. Кочара «Священный обет», Г. Севунца «Проспект Свободы», все же художественная продукция наших писателей явно недостаточна, и до сих пор еще не созданы полноценные художественные произведения, отображающие трудовые подвиги передовиков социалистической промышленности, сельского хозяйства и науки».

Серьезными недостатками страдает деятельность писательских организаций Казахстана и Латвии. ЦК КП(б) Казахстана в своем недавнем постановлении отметил, что писатели не сумели еще отобразить небывалый революционный скачок в развитии экономики и культуры Советского Казахстана, явившийся результатом правильного осуществления ленинско-сталинской национальной политики. В то время как казахские прозаики успешно учатся у ведущих братских литератур и особенно у русской литературы, большинство казахских поэтов еще находится в плену пережитков обветшавших традиций и канонов устной поэзии прошлого. Риторика, созерцательность, поэтические условности и архаические метафоры — все это приводит к тому, что поэты оказываются бессильными изобразить чувства и мысли советских людей.

Развитию латышской литературы еще мешают тяготеющие над многими писателями и поэтами буржуазные теории искусства, в их творчестве наличествуют непреодоленные влияния декаданса, упадочной литературы буржуазного Запада.

Особенную тревогу вызывает состояние литературоведения и литературной критики. Литературная критика не сумела своевременно разоблачить проявления буржуазного национализма в литературе, не ведет борьбы с архаическими формами, оказывается бессильной обобщить практический опыт художественной литературы с точки зрения теории социалистического реализма, раскрыть своеобразие опыта литературы в условиях каждой из республик.

Серьезные недостатки в развитии отдельных литератур во многом об'ясняются плохой организацией работы в республиканских союзах писателей, в ряде которых все еще сохраняются пережитки таких нездоровых явлений, как приятельские отношения, замкнутость в работе, отсутствие принципиальной большевистской критики и самокритики.

Союзы писателей и их органы — секции и комиссии не играют достаточно активной роли во все более тесном и глубоком сближении писателей с современностью. В центре всей жизни и работы писательских организаций должно стать глубокое, планомерное изучение нашей сложной, быстро развивающейся и изменяющейся действительности. Писательские организации должны идейно-политически воспитывать писателей, повседневно направлять их внимание к темам сегодняшнего дня.

Это плохо и неумело делают многие писательские организации республик, а Союз советских писателей СССР и его Бюро национальных комиссий мало помогают им.

Существеннейшим вопросом для всей советской литературы в целом является вопрос о состоянии драматургии и кинодраматургии, жанров, воспитательное значение которых исключительно велико.

Советский театр играет большую роль в коммунистическом воспитании народа. Самое массовое из всех искусств, советское кино является самым передовым, самым идейным киноискусством в мире. Творческие достижения наших драматургов и сценаристов во многом предопределили развитие театрального и киноискусства. Лучшие пьесы и фильмы получили высокое признание народа. Однако духовные запросы советского зрителя, тематическая широта этих запросов, его возросший интерес к кино и театру требуют поднятия этих видов искусства на новую, более высокую ступень. Их дальнейшее развитие невозможно без нового расцвета драматургии и кинодраматургии.

С полной ответственностью можно сказать, что постановление ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров во многом остается еще не выполненным. Того изобилия идейных и высокохудожественных пьес и сценариев, которого требует от писателей партия, еще не создано. Положение с репертуаром драматических театров продолжает оставаться напряженным.

Советский зритель хочет видеть на сцене живых людей, своих современников, строителей коммунизма. Главное в советском человеке—его патриотический труд, его деяние, его гражданская доблесть, — вне этого не существует человека в жизни нашего общества, а следовательно, и в искусстве.

Не случайно наибольшие успехи нашей кинодраматургии одержаны в сценариях на военные темы или биографических, там, где авторам удалось раскрыть образы героев в действии, в деянии. Но наши драматурги и сценаристы пока не научились показывать человека в его сегодняшнем социалистическом труде. Многие драматурги попрежнему «стоят в стороне от коренных вопросов современности, не знают жизни и запросов народа, не умеют изображать лучшие черты и качества советского человека».

Союз же писателей ничего не сделал для того, чтобы мобилизовать драматургов на изучение реальной жизни. Его комиссия по драматургии работала без идейной целеустремленности, не оказала ровно никакого влияния на создание полноценного репертуара.

Комиссия по драматургии не занималась основными проблемами драматургии, да и не могла ими заниматься, ибо невозможно теоретизировать в безвоздушном пространстве, нельзя ставить проблемы жанра, не зная проблем жизни.

Самый опыт развития нашей литературы, победы, одержанные ею на пути глубокого знания жизни, опыт работы писательских организаций вплотную подводят к вопросу о необходимости перестройки работы Союза писателей на новых началах глубокого, повседневного изучения действительности.

Перед пленумом правления Союза советских писателей стоит задача не только резко и по-большевистски самокритично вскрыть недостатки в работе той или иной писательской организации, но и разобраться в причинах, порождающих эти недостатки. Причины эти в нас самих и, прежде всего, в недостаточной теоретической вооруженности литературных кадров, в том, что писательские организации не научились направлять деятельность писателей, помогать им в поисках актуальных важнейших тем, в активном вторжении во все стороны советского бытия.

Чем серьезнее заслуги и успехи советской литературы в раскрытии идейного смысла событий современности и работы людей советской эпохи, тем глубже мы должны отдавать себе отчет в том, какое множество сторон нашей действительности еще ждет своего воплощения.

Мы должны в массовых видах искусства — драматургии и кино — суметь отобразить наиболее полно многообразие советской жизни, создать вдохновляющие произведения, проникнутые большевистской партийностью, и помочь нашему кино, нашим театрам стать рассадниками передовой советской идеологии и морали.

Решающую роль в том новом под'еме, на котором ныне находится советская литература, сыграли исторические постановления ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве. Закрепляя достигнутые успехи, советские писатели всех братских республик должны всемерно повысить свою творческую активность, чтобы оправдать доверие и любовь народа, высокую заботу партии и великого Сталина о литературе.

М. БАЖАН
Странствующий джентльмен

Из книги «АНГЛИЙСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ»

Он вошел — довольный, шумный,
Самый бравый из гуляк.
— Мой девиз: цеди, не думай!
Чарку! Виски иль коньяк?

Звучным тостом, громким спичем
Звон бокалов заглушен.
И сияя всем обличьем,
Осушает чарку он.

Выпил, крякнул, не уходит.
— Вы не пьете? Я — один?
И гостей, привстав, обводит
Наглым взглядом господин.

Что ж, солдат осилит фляжку
Без жеманства и гримас,
Весь душой он нараспашку,
Всем готов служить для вас.

Пить — так пьет, дружить — так дружит,
Говорит, коль не охрип,
Только взгляд уликой служит:
— Вот я, киплинговский тип!

Жесткий усик над губою
Рыжим ежиком торчит,
Око пулею стальною
Собутыльника сверлит.

Рот коньячным дышит жаром,
Щеки движутся едва,
И не лондонским загаром
Вся покрыта голова.

Из каких он стран явился
В город стали и угля?
Где, в которой он кормился,
Разоренная земля?

Может быть, в малайских недрах
Джентльмен бродячий сей
Вытирал платком на гетрах
Кровь расстрелянных детей?

Иль на склонах Гималаев,
В честь империи трудясь,
Подкупал он, вдрызг излаяв,
Человеческую мразь?

Или в тюрьмах отдаленных
Сей бродячий господин
Взвесить головы казненных
Торопился близ Афин?

Где он, злобен и порочен,
Для империи возрос?
Червь сокрытых червоточин,
Из каких земель приполз?

Вот вошел он, парень бравый,
Самый шумный из гуляк.
Взял рукою сухощавой
Чарку — виски иль коньяк?

И узнали мы мгновенно
Не забытый ни на миг,
Тень отбросивший на стену,
Низколобый страшный лик.

Галуном сверкая флотским,
Шли такие же, как он,
По пескам, по красноводским
На отмеченный кордон.

И под грохот барабана
Уж не он ли, наш сосед,
Прямо в сердце Шаумяна
Разрядил свой пистолет?

Сколько ж раз он жаркой кровью
Шаумяновых друзей
Орошал, не дрогнув бровью,
Прах чужих ему полей?

Нет уж, сами, сударь, пейте,
Пейте ночи напролет!
Пусть за все услуги эти
Мистер Бевин вам нальет!

Повернуть на эти спичи
Не хотим мы головы.
Только взглянем на обличье —
Знаем, сударь. Враг-то — вы!

Перевел с украинского Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

ПОКАЗАТЬ ЧЕЛОВЕКА В ЕГО ТРУДЕ

Выступление А. Фадеева на втором с'езде писателей Украины

— Дорогие товарищи, разрешите мне от имени правления Союза советских писателей передать братский привет украинским писателям.

Наша литература является очень реальной, действенной силой в коммунистическом воспитании людей, она все больше и больше завоевывает аудиторию и за рубежом, несмотря на то, что наши враги пытаются препятствовать этому.

Успехи нашей литературы были обеспечены историческими постановлениями ЦК партии, которые расчистили дорогу для нашей литературы и явились программой всего нашего движения вперед. Ничто так не облегчает литературное развитие, как полная идейная теоретическая ясность, при которой становятся понятными задачи и то, что стоит на пути, мешает их выполнению. В направляющих, руководящих указаниях нашей великой партии и был залог движения вперед.

Советская литература об'единяет и сплачивает прогрессивные демократические силы во всем мире, особенно в странах народной демократии. И мы сами видели иллюстрацию к этому здесь, на вашем с'езде.

По сути говоря, современная буржуазная литература перестает быть литературой в собственном смысле слова, потому что утрачивает главное содержание искусства — человека. Все чаще и чаще мы видим, как самый грубый натурализм, который развенчивает человеческое достоинство, соединяется с упадочной декадентской, вымученной, непонятной народу формой. Это выражается, в частности, в модной «философии» типа Сартра, которая тоже ставит своею целью развенчивание человека.

Наша литература полна веры в человека и стоит за справедливое устройство человеческих отношений. Она является знаменосцем новой, социалистической правды. И, конечно, заслуги украинских писателей — второго по мощности отряда нашей многонациональной литературы — очень велики. Теперь вся страна уже знает многие имена украинских поэтов и прозаиков, без которых наша литература казалась бы беднее.

Особенно ценно и примечательно появление хорошей прозы в украинской литературе. Раньше страна знала талантливых украинских поэтов, а проза как будто бы отставала. Теперь же заметно развивается украинская проза и, что особенно важно, появились новые молодые кадры литераторов. В этом залог дальнейшего движения вперед. Украинскую литературу можно поздравить с замечательными успехами на пути ее развития.

Я хочу в своем выступлении остановиться только на одном, очень существенном для нас вопросе. Я имею в виду драматургию и кинодраматургию. Эти жанры особенно ценны и нужны с точки зрения воздействия на многие, многие миллионы людей.

Конечно, и в области драматургии, и особенно в области кино у нас есть крупные удачи. И все-таки остается несомненным тот факт, что мы, по существу, не выполнили постановления ЦК ВКП(б) о репертуаре наших театров, что развитие советского театра в значительной мере тормозится отсутствием настоящих, хороших пьес.

Что же, собственно говоря, является главным тормозом в развитии этих нужных нам жанров? Мне кажется, что здесь есть несколько причин, и они кроются в нас самих.

Нигде не требуется такого подлинного знания жизни, как в драматургии и в кинодраматургии. Эти жанры построены на конфликте, а когда писатель должен показать конфликты, столкновения побеждающего нового со старым, то их нельзя выдумывать из головы, их можно постигать только в реальной действительности. Если художник лишен подлинного чувства нового и знания явлений этого нового, он не может быть хозяином конфликта в пьесе, он становится его рабом. Только писатель, хорошо знающий нашего советского человека и понимающий, как проходит в жизни борьба нового со старым, может, с позиций нового, рельефно, смело, сильно, прямодушно разрешать все конфликты.

Вторая причина в том, что мы немножко недооцениваем некоторые особенности нашего социалистического гуманизма и пытаемся иногда решать конфликты в пьесах и сценариях по старым меркам. Вот, к примеру, формула старого гуманизма. Она принадлежит такому великому критику, как Белинский. Ее человеческое содержание сохранилось, но она уже для нас недостаточна. Белинский писал:

«Есть много родов образования и развития, и каждое из них важно само по себе, но всех их выше должно стоять образование **нравственное**. Одно образование делает вас человеком ученым, другое — человеком светским, третье — административным, военным, политическим и т. д.; но нравственное образование делает вас просто «человеком», то есть существом, отражающим на себе отблеск божественности и потому высоко стоящим над миром животным. Хорошо быть ученым, поэтом, воином, законодателем и проч.; но худо не быть при этом «человеком»; быть же «человеком» — значит иметь полное законное право на существование и не будучи ничем другим, как только «человеком».

Но наш, социалистический гуманизм говорит о том, что для нас человек, который не проявляет себя в деянии, даже и не человек. Высшая нравственность у нас — в труде, мы не можем показывать человека вне труда. В этом наша новаторская задача. Мы, например, не можем показать полководца просто «человеком», не показав, как он действует как полководец. Изображение Толстым Кутузова—гениально с точки зрения мастерства, но оно ложно потому, что образ Кутузова—это не реальный исторический Кутузов. Толстой считает, что Кутузов важен только, как выразитель патриотического духа. Его полководец даже не руководит армиями, более того, он против представления о том, что можно вообще руководить армиями. Вот почему этот образ решен не в том плане, в каком мы хотим. Наши революционеры-демократы замечали подобные недостатки в прошлой литературе. Добролюбов, например, оценивая роман Тургенева «Накануне», писал: «Тургенев весь отдается изображению того, как Инсарова любят, и что из этого происходит. Там, где любовь должна, наконец, уступить место живой гражданской деятельности, он прекращает жизнь своего героя и оканчивает повесть».

Многие ошибки, которые отмечались нашей прессой в драматургии, происходят из-за того, что не найдена новая природа конфликта и герой не показан в самом главном проявлении своей человеческой сущности — в труде, в деянии. Вспомним, как критиковалось изображение большевиков в моем романе «Молодая гвардия». Помимо политической стороны вопроса, которая вам хорошо известна, в романе есть и тот недостаток, что я плохо изобразил большевиков в работе. Я как бы хотел сказать читателям — вы их любите, хотя они плохо работают, но они «хорошие люди». Они в моем произведении только декларируют хорошие вещи, а как деятели проваливаются.

Как можно изобразить по-новому, в соответствии с методом социалистического реализма, к примеру, учителя, не показав, как он учит? Ведь любая деятельность вдохновенна, в ней есть поэтическое содержание, и только через труд человека можно наиболее рельефно выразить его подлинно советское существо. Когда наши драматурги и киносценаристы не умеют найти это основное звено, они пытаются подставить какую-нибудь старую сюжетную схему, которая раньше выражала только личные человеческие отношения—семейные, любовные и т. д. А мы должны, не обедняя жизнь наших героев, находить природу конфликтов в новом отношении к труду, к деянию. Стахановцы не могут быть показаны вне своего стахановского труда, и даже школьную повесть нельзя написать без того, чтобы не показать, как учится школьник. И это труднее всего дается в драматургии, где конфликт очень обнажен, заострен и требует поисков новой формы, отвечающей новой природе конфликта.

Третья причина слабости драматургии состоит именно в том, что советские драматурги мало работают над формой. Тов. Корнейчук был совершенно прав, говоря об этом в своем докладе. Недостаточная работа над формой особенно пагубно сказывается на драматургии — жанре наиболее трудном.

Обладая такой великолепной театральной культурой и таким передовым кино, мы, советские писатели, не имеем права тормозить развитие этих видов искусства. У нас замечательные актерские силы, а мы часто даем им художественно слабые вещи.

Борясь против формализма, мы отстаиваем красоту в искусстве. Мы должны прививать людям чувство прекрасного.

Не только в драматургии, но и в прозе, с успехом развивающейся у нас в стране, есть известное пренебрежение к форме. Теперь очень многие из растущих, талантливых художников молодого поколения пренебрегают элементарным правилом, которое раньше для любого прозаика было законным: прозаическое произведение не может быть выпущено в свет, если оно, по крайней мере, раза три не переписывается от руки. Это элементарно. Эти навыки труда надо развивать у нашей литературной молодежи, упорно прививать им любовь к языку, стилю, к умению строить сюжет. А в области драматургии и сценарного дела мы должны создать своего рода творческую лабораторию, где люди учились бы работать над формой. Я повторяю, что ни мы, русские писатели, ни вы, украинские писатели, и никто из писателей наших братских народов не имеет права дальше тормозить развитие такого массового искусства, как кино и театр. Мы должны здесь выйти победителями, исправить известную нашу слабость в этой области.

Под руководством и с помощью нашей партии, под благородным знаменем Ленина и Сталина, мы, несомненно, решим эти стоящие перед нами задачи.

Новое правление союза писателей Украины

КИЕВ. (Наш корр.). Состоялся первый пленум правления Союза советских писателей Украины, избранного на втором с'езде писателей Советской Украины.

Пленум избрал президиум правления в составе 11 человек. В него вошли А. Корнейчук, П. Тычина, Л. Дмитерко, С. Скляренко, М. Бажан, А. Гончар, А. Малышко, В. Некрасов, Л. Первомайский, Ю. Смолич, Н. Шамота.

Председателем правления Союза советских писателей Украины единогласно избран А. Корнейчук, заместителями председателя П. Тычина и Л. Дмитерко, ответственным секретарем правления С. Скляренко.

Пленум избрал также секретариат правления в составе тт.: А. Корнейчука, П. Тычины, Л. Дмитерко, С. Скляренко, А. Гончара, А. Малышко и Ю. Смолича.

В работе пленума правления Союза советских писателей Украины приняли участие секретарь ЦК КП(б)У тов. К. Литвин и заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)У тов. П. Гапочка.

* * *

Состоялось первое заседание ревизионной комиссии ССПУ. Председателем ревизионной комиссии избран П. Панч, секретарем В. Добровольский.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ЛЕТЧИКА

Сегодня вся страна отмечает десятилетие со дня смерти великого летчика нашего времени Валерия Павловича Чкалова. На предприятиях и во дворцах культуры столицы, в авиационных частях Московского военного округа проходят многолюдные собрания, вечера и беседы, посвященные памяти В. П. Чкалова.

Центральный аэроклуб СССР имени Чкалова и Центральный дом авиации ПВО имени Фрунзе организовали выставки, на которых представлены материалы, документы и фотографии, рассказывающие о деятельности замечательного летчика и его перелетах на остров Удд (ныне остров Чкалова) и в Америку через Северный полюс.

В Колонном зале Дома союзов сегодня состоится собрание работников Военно-Воздушных Сил и авиационной промышленности совместно с трудящимися Москвы. С докладом о великом летчике выступит Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Г. Байдуков.

* * *

ГОРЬКИЙ. Трудящиеся Горьковской области широко отмечают память своего знаменитого земляка. Музей В. П. Чкалова в поселке Чкаловск организовал передвижные выставки в Новинском колхозе, в беловском и карунском клубах.

Горьковское областное издательство выпускает книгу Н. Боброва «Чкалов» и поэму «Валерий Чкалов» М. Шестерикова.

Грузинские драматурги

На пленуме правления ССП Грузии

Пленум правления Союза советских писателей Грузии обсудил доклад С. Чиковани «Наша современность и грузинские драматурги».

В прениях по докладу С. Чиковани выступили писатели Сандро Шаншиашвили, Бесо Жгенти, Ило Мосашвили, С. Клдиашвили, И. Вакели, С. Чилая (ЦК КП(б) Грузии), народный артист Акакий Васадзе, зам. председателя Комитета по делам искусств П. Канделаки, ведущие творческие работники театров и киностудий.

В работе пленума принял участие секретарь ЦК КП(б) Грузии Р. Шадури.

ВО ВСЕСОЮЗНОМ ЮБИЛЕЙНОМ ПУШКИНСКОМ КОМИТЕТЕ

Вчера в Союзе советских писателей СССР под председательством А. Фадеева состоялось первое заседание Всесоюзного юбилейного комитета по проведению 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Комитет заслушал сообщения Б. Мейлаха (Ленинград), А. Яковлева (Псков) и представителей ряда союзных республик о ходе подготовки к пушкинским дням.

Повсеместно массовыми тиражами издаются произведения великого поэта, исследования о его жизни и творчестве, сборники статей и поэтических произведений, посвященных Пушкину. Организуются выставки, публичные лекции и доклады, пушкинские чтения и т. д. В столицах союзных республик и крупных промышленных центрах страны в день юбилея состоятся торжественные заседания, посвященные памяти Пушкина. Поэты братских республик работают над новыми переводами произведений поэта. Готовятся к юбилею драматические и музыкальные театры страны, они покажут премьеры пушкинских спектаклей.

В работе Юбилейного комитета приняли участие заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) тов. Д. Шепилов, заместитель председателя Совета Министров РСФСР тов. И. Долматов, председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР тов. П. Лебедев, министр просвещения РСФСР тов. А. Вознесенский, тт. Ф. Головенченко, Т. Зуева, А. Еголин, В. Мухина, А. Герасимов, И. Берсенев, П. Бровка (Белоруссия), Н. Терещенко (Украина), С. Муканов (Казахстан), М. Ибрагимов (Азербайджан), А. Сирас (Армения), А. Токомбаев (Киргизия), А. Тимонен (Карело-Финская ССР) и другие.

23 миллиона детских книг

Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР досрочно выполнило годовой план выпуска книг для детей. За 11 месяцев текущего года вышло в свет 279 названий общим тиражом свыше 23 миллионов экземпляров. Из этого количества около 10 миллионов экземпляров книг издано по серии «Школьная библиотека» и направлено в школы.

Среди книг для школьников—произведения классиков: А. С. Пушкина, Алишера Навои, В. Г. Белинского, И. А. Крылова, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, В. Г. Короленко, Ивана Франко, А. М. Горького, Виктора Гюго, Джонатана Свифта, Марка Твена.

Впервые изданы Детиздатом новые книги советских писателей: «Мы — советские люди» Б. Полевого, «Стожары» А. Мусатова, «Преобразователь природы» В. Лебедева, «Сын народа» В. Саблина, «Это было под Ровно» Д. Медведева.

Переизданы произведения Н. Островского, А. Гайдара, В. Катаева, В. Каверина, Б. Житкова, С. Маршака, Л. Кассиля, М. Пришвина, С. Михалкова. Ряд книг посвящен историческим, научно-техническим, научно-фантастическим темам.

До конца года Детгиз даст детям еще ряд книг, в том числе большую книгу-календарь «Круглый год».

В КОМИТЕТЕ ПО СТАЛИНСКИМ ПРЕМИЯМ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

О выдвижении кандидатов на Сталинские премии за 1948 год

Комитет по Сталинским премиям в области искусства и литературы принимает представления произведений искусства и литературы на соискание Сталинских премий за 1948 год до 15 января 1949 года.

К рассмотрению принимаются законченные произведения искусства и литературы, впервые опубликованные или исполненные в конце 1947 года и в 1948 году.

Все предложения о присуждении Сталинских премий за 1948 год направлять по адресу: г. Москва, Проезд Художественного театра 3, Комитет по Сталинским премиям в области искусства и литературы.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Таллин.** Более 25 уездных лекториев работают в сельских местностях Эстонской ССР. За последний месяц в них было прочитано 30 лекций, посвященных мичуринскому учению.

◆ **Ленинград.** Постоянная группа докладчиков создана на заводе «Электросила» имени Кирова. В группу входят 25 руководящих партийных и хозяйственных работников. В ноябре они прочитали в цехах завода более 50 докладов по вопросам экономики производства, на общеполитические и международные темы.

◆ **Ташкент.** Двухтомник избранных произведений А. С. Пушкина на узбекском языке издает к юбилею поэта республиканское издательство. «Евгений Онегин», «Бахчисарайский фонтан», «Полтава», «Борис Годунов», «Скупой рыцарь» и другие произведения поэта перевели на узбекский язык крупнейшие писатели республики.

◆ **Улан-Удэ.** Здесь состоялось совещание молодых писателей Бурят-Монгольской АССР. Участники совещания заслушали доклад председателя правления Союза советских писателей республики Цыдена Галсанова о задачах бурят-монгольской литературы.

◆ **Тбилиси.** Руставелиевские чтения организовали республиканское Общество по распространению научных и политических знаний и ЦК ЛКСМ Грузии. Первую лекцию на тему «Эпоха Шота Руставели» прочел профессор Кекелидзе.

А. МУСАТОВ

ГДЕ ЖЕ НАША АКАДЕМИЯ?

В один из воскресных осенних дней мне довелось побывать в Ярославском дворце юных пионеров. Зрительный зал был переполнен. Но в этот раз в креслах сидели не обычные посетители дворца — городские пионеры и школьники, а сельские учителя. Они приехали в Ярославль, чтобы прослушать доклад о положении в биологической науке. И надо было видеть, с каким интересом аудитория ловила каждое слово докладчика.

Я сидел рядом с пожилой, седовласой учительницей, которая усердно что-то записывала в блокнот.

— Вы знаете, очень нужный доклад...— пояснила она, заметив мой взгляд. — И очень кстати. Завтра же придется повторить его в колхозе. В селе у нас многие интересуются учением академика Лысенко — и молодежь, и взрослые.

После доклада в фойе завязалась оживленная беседа. Учителя говорили о Мичурине, Лысенко, Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина, прикидывали, как теперь, после полной победы мичуринского направления в биологической науке, должно измениться преподавание биологии в школе, характер работы на пришкольных участках.

— Товарищи, очень советую всем прочесть очерк Геннадия Фиша «Народная академия»,—с жаром сказал высокий, смуглый учитель, держа в руках номер журнала «Новый мир». — Замечательный материал. Академия сельскохозяйственных наук получает задание товарища Сталина — поднять урожай проса. И все молниеносно ставится на ноги. Ученые выезжают в колхозы. Работают рука об руку с людьми практики — с бригадирами, с звеньевыми. Учат людей, помогают им, сами учатся у народа. Разрабатывается новая агротехника посева и ухода за просом, опыт проверяется прямо в поле, на тысячах гектаров. И вот результат — задание товарища Сталина выполнено блестяще.

— Да, это академия! — с уважением отозвался кто-то из учителей: — Недаром ее народ так ценит!

— Вот и нам бы такую же академию, — со вздохом заметил его сосед, — нашу, педагогическую... Да нет, куда там... Тихая у нас академия. Не слышно ее, не видно...

* * *

Я побывал во многих школах Ярославской области, беседовал с десятками учителей, и всегда, когда разговор заходил об Академии педагогических наук, они с горечью спрашивали:

— Где наша академия? Что она делает, чем занимается? Где ее поиски, дерзания, научные труды, помогающие рядовому учителю решить десятки наболевших, волнующих вопросов коммунистического воспитания детей?

— Больно и горько мне за Академию педагогических наук, — говорит заслуженный учитель РСФСР Николай Михайлович Головин. — Людей в академии сидит много, государству они встают в копеечку (вернее сказать, в миллионы!), а реальной пользы от их работы не видно.

— А вся беда в том, что наши академики оторвались от живой жизни, не знают они ни школы, ни детей, ни учителя и, вместо изучения драгоценного опыта непосредственных участников и творцов школьной жизни, предпочитают заниматься бесплодной кабинетной схоластикой.

И с учителем Головиным нельзя не согласиться. Действительно, Академия педагогических наук проявляет упорное нежелание собирать и обобщать опыт лучших школ.

Сам Головин — живой тому пример...

Сорок один год Николай Михайлович работает в Чебаковской сельской школе, а его жена Юлия Федоровна и того больше— пятьдесят девять лет. Сотни их питомцев стали педагогами, врачами, инженерами, учеными.

Десятки статей и брошюр на педагогические темы напечатали Головины в журналах и газетах. Букварь Н. М. Головина выдержал восемь изданий.

Несомненно, опыт Головиных достоин самого широкого распространения. Что же сделала для этого Академия педагогических наук? Пока ничего.

В свое время правительство утвердило Н. М. Головина членом-корреспондентом Академии педагогических наук. Но, по его выражению, он чувствует себя среди ученых мужей «вроде белой вороны». Отношение к нему в академии снисходительное. И это дает себя знать. Два года тому назад Николай Михайлович представил в академию свою рукопись «Опыт работы по краеведению в сельской начальной школе». То был труд многих десятилетий, проверенный живой, действенной практикой, достойно оцененный и уже подхваченный учителями соседних школ.

Но сотрудники Академии педагогических наук нашли, что работа Головина «эмпирическая», недостаточно научно обоснованная. Рукопись его и поныне лежит без всякого движения.

В письменном столе у Николая Михайловича хранится еще одна работа — «Записки учителя». Этот живой рассказ о том, как надо обучать и воспитывать детей, мог бы стать поучительной книгой для молодых учителей, но Головин предпочитает не показывать его в Академии педагогических наук.

Неизгладимое впечатление произвела на меня и другая учительская пара — Николай Владимирович и Анна Павловна Опекушины. Они начали работать в Рыбницкой школе около тридцати лет тому назад. Село Рыбница как раз принадлежало к тем районам, о которых уроженец этих мест поэт Некрасов с горечью писал:

> Угоды наши скудные,
> Пески, болота, мхи,
> Скотинка ходит впроголодь,
> Родится хлеб сам-друг.

И Опекушины крепко задумались—как же учить крестьянских ребятишек, как привить им любовь к этой «скудной» земле, научить их ухаживать за ней, заставить давать высокие урожаи.

Они обратились к трудам Мичурина, учившего, как переделать природу на благо человеку. Мичурин стал для Опекушиных подлинным педагогическим авторитетом. Опекушины вместе с детьми заложили в приволжском селе плодовый сад. Население не верило в эту затею, прочило ей полнейший провал, но супруги Опекушины делали свое дело: вместе с учениками таскали на участок плодородную землю, выращивали саженцы, любовно выхаживали каждое деревцо.

И сад зацвел, начал плодоносить. И, может быть, не так уж вкусны были кисловатые яблоки из пришкольного сада, как дорог был воспитательный эффект, извлеченный из опыта сближения школы с жизнью.

Дети всей душой привязались к учителям, познали радость коллективного труда, обрели вкус к агротехническим знаниям. Движение юных мичуринцев захватило почти всех учащихся. Какие только растения не выращивали дети на грядках пришкольного участка! Сочные, сладкие арбузы стали произрастать на ярославской земле. Юные мичуринцы сумели акклиматизировать в здешних местах кок-сагыз и добились увеличения веса корня с 10 граммов до 120—150. А юннатка Настя Кускова вырастила корень весом в 254 грамма. Это был всесоюзный рекорд. Опыты с кок-сагызом заинтересовали академика Лысенко, и он даже прислал в Рыбницкую школу на помощь ребятам научного сотрудника Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. В. И. Ленина.

Опекушины не мыслили жизни школы вне связи с колхозом. Маленький пришкольный участок стал своеобразной агролабораторией колхоза «Красный коллективист». Все передовое, новое юные мичуринцы переносили на поля артели. Размножили новый сорт картофеля с большим содержанием крахмала и семена передали колхозу. Провели опыт использования торфа на удобрение, и сейчас, по почину школы, сотни гектаров артельной земли удобряются торфом.

Сейчас колхоз «Красный коллективист», в котором почти все население — настоящие или бывшие ученики Опекушиных,— преуспевающее хозяйство, одно из лучших в области. И в этом немалая заслуга учителей Опекушиных.

— Мичуринская работа не занимала бы меня так сильно, если бы я не видел прямого воздействия ее на формирование нравственного облика ребенка, — говорит Николай Владимирович. — А ведь мичуринца вы всегда отличите. Он точен, аккуратен, внимателен, пытлив. Мичуринец ценит не только свой труд, но и труд другого человека. Он не сорвет клубники на чужой грядке, яблока в чужом саду. Если сосед заболел, польет его огород.

Примечателен опыт и Сереновской школы. Тринадцать лет тому назад молодые учителя Валентина Александровна Лисенкова и Георгий Георгиевич Иванов приехали из Ленинграда работать в село. Сереновская школа считалась тогда худшей в области.

Сколоченный усилиями Лисенковой и Иванова новый коллектив школы начал укреплять живые связи с населением.

Был организован агитколлектив учителей; каждый четверг педагоги расходились по колхозам и проводили беседы на политические и естественно-научные темы. Возникали разговоры и о школьниках. Учителя рассказывали родителям об успеваемости и поведении их детей. Со временем на «четвергах» стали обсуждаться серьезные педагогические вопросы. Вошли в практику родительские собрания по деревням. Поведение ребенка вне школы стало под контроль не только родителей, но и всех колхозников.

Затем по почину учителей был создан своеобразный колхозный университет культуры. В воскресные дни сотни членов артели приходили в школу на лекции по международному положению, агротехнике и педагогике.

Для каждого колхоза учителя регулярно выпускали стенгазеты «Голос школы»; через них родители получали советы по воспитанию детей, узнавали об их успеваемости и поведении. При активном участии учителей были радиофицированы все колхозные дома. В школе был установлен радиоузел, и педагоги начали выпускать школьную радиогазету для родителей. За прошлую зиму вышло 25 номеров этой газеты.

Тесная связь школы с населением, дружба учителей с родителями принесли поразительные результаты.

Воспитание детей стало кровным делом колхозников. Поведение детей в классе и вне школы неизмеримо улучшилось, повысилась их грамотность, общий уровень развития. Сейчас Сереновская школа по успеваемости занимает одно из первых мест в области.

— Мы глубоко убеждены в том,—говорит Валентина Александровна Лисенкова, — что задача коммунистического воспитания детей в полной мере может быть разрешена лишь при условии дружных, совместных усилий и родителей и учителей.

Прекрасен новаторский опыт учителей Рыбницкой и Сереновской школ. Сколько в него вложено упорного труда, подлинной любви к детям, творческих исканий! А разве мало в нашей стране школ, подобных этим, способных обогатить советскую педагогическую науку?

И кому, как не Академии педагогических наук, надлежит собрать этот опыт, изучить, обобщить и на его основе подсказать советскому учительству новые пути, новые методы работы.

По Академия педагогических наук верна себе. Критические выступления печати, в том числе и в «Литературной газете», не разбудили Академию педагогических наук. Она попрежнему с холодным равнодушием взирает на школу.

— Нам нужна академия действующая, кровно связанная с жизнью, с творческой практикой, «академия, которая борется»,—говорят учителя. И их требовательный голос поддерживают миллионы отцов и матерей нашей страны, все те, кому дорого воспитание советских детей.

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Письма читателей

«НЕЧЕГО ЗАНИМАТЬСЯ ФАНТАЗИЯМИ»

Уважаемый товарищ редактор!

В № 92 «Литературной газеты» я прочитал статью «Тов. Мелешкин сказал: «нет!». В связи с этой статьей, считаю необходимым сообщить, что и со мной в ведомстве тов. Мелешкина произошла точно такая же история, правда, сейчас благоприятно закончившаяся.

С 1937 года я работаю над конструкцией скоростной проходки тоннелей, подземных выработок, траншей, ходов и т. д. Заместитель министра черной металлургии тов. П. Коробов в свое время горячо поддержал мою идею. В 1947 году в письме академику И. П. Бардину он писал по поводу моей конструкции: «Рад случаю сообщить вам лично, что на Урале на одном из старейших рудников нашего министерства в горе Благодати разрешается одна из крупнейших научных проблем — проблема подземного движения. Инженером-конструктором А. И. Требелевым после ряда научно-исследовательских работ в ЦНИИМАШ построен подземно-движущийся аппарат».

О моей конструкции писала 4 декабря 1946 года «Правда», затем «Уральский рабочий» и другие газеты.

И вот когда я на горе Благодать приступил уже к испытанию опытного образца, когда испытания проходили удовлетворительно (хотя и были некоторые недостатки, свойственные обычно первой конструкции), тов. Мелешкин тоже сказал: «нет». Не вызывая меня, не предупредив меня, он приостановил все работы.

В беседе со мной тов. Мелешкин сказал мне так же, как и тов. Гузееву: «Нечего заниматься фантазиями». Я вынужден был уехать.

На этом закончилось мое знакомство с тов. Мелешкиным.

Но в нашей стране полезные творческие идеи не пропадают. Мне дали возможность построить второй, более совершенный экземпляр моей машины в системе Министерства автомобильной и тракторной промышленности.

Сейчас конструкция второй модели закончена и проходит стендовые испытания. Первые результаты показывают, что она работает значительно лучше первой модели и уже может быть передана для промышленных испытаний.

Я счел необходимым вспомнить этот случай, чтобы показать, как трудно пробиться новому, когда на его пути стоят люди, относящиеся без всякого сочувствия к идеям новаторов.

А. ТРЕБЕЛЕВ,
инженер-конструктор.

НЕ ЗАБОТЯТСЯ О РАДИОФИКАЦИИ СЕЛ

7 января в «Литературной газете» была опубликована корреспонденция «Радиоприемники или... полированные ящики». В ней критиковалась работа ряда предприятий (в том числе и нашего завода) за невыполнение плана производства питания к приемникам «Родина».

За время, прошедшее с тех пор, наш коллектив добился известных производственных успехов. 5 ноября завод выполнил годовой план. До конца года мы можем дать еще десятки тысяч комплектов радиопитания.

Но вот беда! Наша продукция попадает к потребителю через торговую систему Центросоюза. А «система» эта работает настолько неоперативно, что завод начинает затовариваться. В ожидании нарядов на отгрузку, на заводском складе сейчас лежат 25.000 комплектов радиопитания.

Как видно, работники потребительской кооперации мало заботятся о радиофикации колхозного села.

Л. КАНДИБУР,
зам. директора завода

МОСКВА

На партийном собрании московских писателей

13—14 декабря происходило отчетно-выборное собрание партийной организации московских писателей.

С отчетом о работе партийного бюро выступил тов. А. Софронов. Докладчик подчеркнул огромную заботу Центрального Комитета партии и лично товарища Сталина о советской литературе, о писателях.

Перечислив произведения последнего времени, Софронов отмечает, что 1948 год был годом под'ема советской литературы.

Партийное бюро вплотную занималось работой журналов, издаваемых Союзом советских писателей. Журналы улучшились, но в их работе еще очень много недостатков. Критический отдел журнала «Октябрь» влачит жалкое существование, печатает случайные статьи и обходит жизненные проблемы социалистического реализма.

В свое время партийное бюро предупредило коммунистов, работающих в журнале «Знамя», против зазнайства и самоуспокоенности. Это предупреждение оказалось недостаточным. Журнал опубликовал в 1947 году ошибочное произведение А. Твардовского, в 1948 году редакция предоставила страницы журнала для идейно-порочных повестей — «Редакция» Н. Мельникова и «Двое в степи» Э. Казакевича, для рассказов Ю. Яновского «Сердце врача» и «Слепое счастье», построенных на вымученных психологических домыслах и заимствованных из образцов упадочной буржуазной литературы.

Не удовлетворяет потребностям развития советской литературы нынешнее состояние критики, она не стала еще действенным оружием в борьбе за изобилие духовной культуры в стране. Многие критики отстают от жизни, от требований современности. В среде критиков наблюдаются элементы цеховой замкнутости, не чувствуется большевистской непримиримости к серьезным идейно-теоретическим срывам. Непонятно, почему некоторые критики, после того как их неправильные выступления подверглись справедливому осуждению, теперь хранят упорное молчание.

Докладчик подробно рассказывает о работе, проделанной партийным бюро по идейно-политическому воспитанию писателей.

После доклада развернулись прения. В. Бахметьев поставил в упрек партбюро то, что оно мало интересовалось творческой лабораторией писателя.

— Важно не только знать, изучать и обсуждать законченное произведение писателя, нужно вникать в творческие планы писателя, способствовать их формированию.

Опыт показывает, что наибольших творческих успехов достигли те писатели, которые связаны с жизнью, с борьбой нашего народа, которые живут одной жизнью с героями своих произведений.

— Бесполезен тот художник, который далек от масс, от народа, — заявил тов. Бахметьев. — Творческие командировки надо практиковать, но одного этого недостаточно. Мало быть наблюдателем, — надо приобщаться к жизни в качестве ее активных, непосредственных участников.

О воспитании молодых литературных кадров, о всей системе подготовки молодых прозаиков, поэтов и, особенно, критиков говорил Г. Бровман.

— Почему перед парторганизацией ни разу не отчитывались коммунисты, работающие в Литературном институте им. Горького? Необходимо больше внимания уделить подготовке литературных критиков, вновь восстановить отделение критики в Литинституте.

Эту же мысль поддержал выступавший в прениях Н. Астахов.

А. Чаковский призвал коммунистов-литераторов тщательно взвешивать, анализировать причины удач и неудач каждого произведения. Никто не должен стоять вне критики — товарищеской, деловой, принципиальной. Самый маститый писатель должен считаться с мнением коллектива. Задача партийного бюро заключается в том, чтобы воспитывать в писательской среде дух творческой неудовлетворенности, создавать атмосферу, способствующую критике и самокритике.

А. Жаров отметил, что литераторы-коммунисты не всегда умеют во-время увидеть слабости, недостатки и ошибки в произведениях.

У нас хватило зоркости, чтобы заметить и для пользы дела раскритиковать ошибочное теоретизирование насчет «превосходства» литературы бывалых людей, которое развивал тов. П. Вершигора. А вот заметить существенные ошибки его же книги «Люди с чистой совестью» мы в своем коллективе не смогли. Это сделал за нас полковник А. Прохоров в письме, напечатанном в газете «Культура и жизнь». Почему так получилось? Да потому, что мы иногда ограниченно понимаем партийные указания. Мы не сделали всех выводов из указаний о необходимости глубокого изображения руководящей роли партии во всей нашей жизни.

Характеризуя работу секции критики, работающей келейно, оторванно от литературной общественности, А. Тарасенков призывал критиков вмешиваться в творческий процесс писателя, участвовать в работе писателей над рукописями.

— Мы не знаем, над чем работают многие наши писатели-коммунисты, какие они готовят произведения, каковы их творческие замыслы и планы, — говорит Л. Аргутинская.

Отметив общий под'ем политической учебы в парторганизации, Л. Аргутинская считает все еще недостаточной работу по политическому просвещению творческих работников, самостоятельно изучающих произведения классиков марксизма-ленинизма. Без овладения марксистско-ленинской теорией нельзя создать подлинно художественных высокоидейных произведений. Только теоретически образованный писатель способен создать книги, проникнутые социалистическим реализмом.

Ц. Солодарь, А. Шманкевич и другие ораторы говорили о слабой работе комиссий ССП. Плохо работают комиссии по драматургии и детской литературе, все еще слабо развернула работу комиссия критики. Многие писатели-коммунисты не участвуют в творческой жизни секций. Обсуждение новых произведений зачастую проводится поверхностно, без тщательной подготовки и анализа.

Выступавшие призывали к значительному усилению партийного влияния в работе комиссии и секции ССП.

В заключение выступил генеральный секретарь Союза советских писателей А. Фадеев, отметивший высокий идейный рост партийной организации ССП. Тов. Фадеев особо остановился на работе партбюро с беспартийными писателями.

— Нам нужно работать с каждым писателем индивидуально, персонально, — говорит А. Фадеев. — Нужно улучшить руководство секциями, привлечь к работе в бюро секций энергичных, активных товарищей.

* * *

Работа партийного бюро признана удовлетворительной. Собранием принято развернутое решение, определяющее задачи и практическую деятельность парторганизации Союза писателей на ближайшее время. Тайным голосованием избран новый состав партийного бюро, в состав которого вошли тт. Л. Аргутинская, В. Бахметьев, Г. Владыкин, Н. Грибачев, А. Жаров, Л. Ошанин, А. Софронов, А. Фадеев, А. Чаковский, Л. Шаумян, С. Щипачев.

Собрание избрало делегатов на 22-ю Краснопресненскую районную партийную конференцию.

Сорняки низкопоклонства

Беседа с председателем комитета технической терминологии Академии наук СССР академиком А. М. ТЕРПИГОРЕВЫМ

В «Литературной газете» № 94 была напечатана статья проф. А. Добрянского «Сорняки низкопоклонства», протестовавшая против засоренности нашей технической литературы иностранными терминами. Наш корреспондент обратился в комитет технической терминологии Академии наук СССР с вопросом: что предпринимается сейчас для очищения нашего языка от иностранных определений и терминов?

Председатель комитета академик А. Терпигорев сказал:

— Выступления «Литературной газеты» привлекают внимание широкой советской общественности к вопросам научно-технической терминологии. Газета совершенно правильно указала на засоренность русской технической речи иностранными терминами, введенными без необходимости и без какой-либо критической оценки.

Это запутывает терминологию, затрудняет ее освоение и пользование широкими массами. Следует также отметить, что неумеренное и необоснованное иноязычное заимствование не только не обогащает наш язык, но и препятствует его правильному развитию. Засорение русского языка иностранными терминами в прошлом, особенно начиная с середины XIX века, в большой мере об'ясняется низкопоклонством перед иностранной техникой и пренебрежением к собственному языку, а, может быть, незнанием всех его богатств, неумением их использовать.

Прибавлю также, что некоторые виновники иноязычных заимствований часто плохо знали не только свой язык, но и язык, из которого они производили заимствования.

Больше того, в технической литературе употребляются, как якобы иностранные, коренные русские термины, созданные в нашей стране нашими учеными. Так, в некоторых книгах по геологии употребляются термины «карстовое полье» и «карстовая доллина». Откуда же взялись эти «полье» и «доллины»? Оказывается, это наши русские термины, введенные в науку нашими геологами, термины, которые у нас заимствовали иностранцы, приспособив к своей транскрипции. А невежественные низкопоклонники, не разобравшись, в чем дело, восприняли их, как иностранные, и с их легкой руки в некоторых книгах вместо русских слов — поле и долина — появились всякие «полье» и «доллины».

Только политической безответственностью можно об'яснить такие факты, когда в некоторых изданиях Машгиза слова «агитатор» и «агитация» употреблялись в значении «мешалки» и «перемешивания».

Задача искоренения ненужных иностранных терминов является очень важной еще и потому, что массовое применение этих терминов и, в частности, так называемых «фамильных» создает неправильное представление о развитии нашей науки и техники.

Упорядочение терминологии — задача нелегкая. Ее нельзя упрощать, нельзя свести к тому, чтобы попросту перевести иностранные термины по буквальному значению слов на русский язык. Во-первых, в иностранной терминологии термины часто строятся не только без всякого обоснования, но и сознательно искажаются в рекламных и других целях. Во-вторых, совокупность значений какого-либо слова на одном языке далеко не всегда совпадает с совокупностью значений равносильного слова на другом языке.

Кроме того, надо иметь в виду, что любой термин нельзя рассматривать в отрыве от других терминов данной дисциплины, области знаний, отрасли техники.

Термин должен быть совершенным. Он может быть создан лишь на основе классификации понятий, имеющей прогрессивный характер.

Отсюда ясны трудности терминологической работы и вместе с тем вырисовывается исключительная важность ее для развития науки и техники. Комитет технической терминологии Академии наук СССР занимается разработкой общих вопросов научного обоснования терминологии и различных способов построения конкретных систем терминов. Мы ведем непосредственно также упорядочение терминологии в основных технических дисциплинах и налаживаем методологическую консультацию по принципиальным вопросам.

Комитет уже завершил ряд исследований по общим вопросам научного обоснования терминов, а также издал около 60 бюллетеней, содержащих разработанные им проекты терминологии в различных дисциплинах. После широкого обсуждения труды комитета оформлены и продолжают оформляться в виде сборников рекомендуемых терминов.

В большинстве случаев разработанная комитетом терминология широко применяется в учебной и справочной литературе, в практике преподавания, в заводской документации. Однако некоторые издательства недостаточно следят за последовательным ее применением.

Я не могу утверждать, что наша работа лишена недостатков. Но в отношении иностранных терминов комитет с самого начала своей деятельности занял правильную позицию. Еще в 1939 и 1940 гг. комитет высказал в печати свои взгляды на иностранные термины. Этот вопрос неоднократно поднимался нами и в последнее время (на конференции Машгиза, на заседании ученого совета комитета). Например, в близкой мне горной терминологии старый укоренившийся термин «зумпф» предложено заменить словом «подстволок», вместо «бремсберга» предложен «механизированный скат» и т. п.

Мы ясно себе представляем, что комитет сам не сможет упорядочить терминологию во всех технических дисциплинах и во всех отраслях техники. Поэтому надо, чтобы отраслевой терминологией вплотную занялись ученые советы министерств, научно-исследовательские институты, кафедры ведущих втузов и другие организации. Комитет технической терминологии Академии наук СССР будет им оказывать методическую консультацию. В начале 1949 года комитет предполагает созвать совместно с заинтересованными организациями совещание для решения вопроса о широкой организации работ по терминологии.

Если терминологическая работа, правда еще незначительная, в области технических дисциплин, все же ведется, то другие отрасли науки — химия, биология — ею почти совершенно не охвачены.

Мне хотелось бы обратить внимание еще на одно важное обстоятельство: удельный вес научно-технических терминов в современном языке огромен. Однако речь рабочих и инженеров наших заводов и фабрик изучается плохо. Почему бы нашим специалистам-языковедам, с помощью работников технических и других дисциплин, не организовать собирание этого драгоценного словарного материала и не поставить его изучение для использования?!

Ждем помощи наших писателей, филологов и в другом деле—в словообразовании. Мы здесь встречаемся с большими трудностями, которые, в конечном счете, ведут к засорению языка иностранными словами. Вот один из примеров: в механике часто употребляется термин «движение». Но как образовать прилагательное? «Движенский»?

Роль правильной терминологии еще многими до сих пор полностью не осознана. В СССР, в противоположность капиталистическим странам, имеются все возможности для создания и внедрения правильной единой терминологии. Если этими вопросами вплотную займутся отраслевые институты и кафедры втузов и если к ним будет постоянно привлечено внимание широкой общественности, то, несомненно, проблема терминологии будет правильно решена в самый кратчайший срок.

ЗА ОБРАЗЦОВУЮ ПОЛИГРАФИЮ

КОГДА НЕ ДОРОЖАТ ДОБРЫМ ИМЕНЕМ

Наша область располагает солидным полиграфическим хозяйством. В самом Иркутске работает большая книжная типография треста «Полиграфкнига» Огиза, типографии областной газеты «Восточно-Сибирская правда», артели «Печатник» и другие. Еще есть сорок восемь районных типографий, причем типографии в городах Бодайбо, Черемхово, Тулун и Киренск оборудованы новейшей техникой. Полиграфическое хозяйство области, техническая вооруженность его растут из года в год.

Иркутск—один из старейших полиграфических центров Сибири. Еще в недалеком прошлом книги, выходившие в Иркутске, можно было видеть на крупнейших всесоюзных и мировых полиграфических выставках.

К сожалению, за последние годы типографии Иркутска утратили свою былую славу. Полиграфические предприятия нашего города пользуются теперь другой известностью—они выпускают продукцию низкого качества.

Остановимся более подробно на деятельности книжной типографии треста «Полиграфкнига». Значение этой типографии в культурной жизни области исключительно велико. Она должна выпускать в год сто двадцать названий различных книг общим об'емом свыше семисот печатных листов. Однако, книги неимоверно долго задерживаются в производстве, оформляются безвкусно, небрежно.

Книга А. Коптелова «Восхождение», об'емом в одиннадцать листов, находилась в производстве больше года. Повесть С. Сартакова «По Чунским порогам», об'емом в шесть печатных листов, была сдана в типографию в ноябре 1947 г., а вышла в свет только в мае 1948 г.

Политически актуальные книги по сельскому хозяйству Кривых, Угарова, Орлова только верстались свыше месяца.

Организация труда в типографии, планирование производственного процесса поставлены из рук вон плохо.

Качество выпускаемых типографией книг вызывает нарекания со стороны покупателей. Вот книга стихов А. Ольхона «Окраины милой отчизны»: корки переплета не отпрессованы, заверстан неправильно шмуц-титул, верстка косая, печать неровная, плохо приправлены рисунки, листы сфальцованы вкривь и вкось, даже обрезана книга неровно.

Такие же недостатки в оформлении книги П. Маляревского «Костер». Обложка напечатана такой бледной, тусклой краской, что трудно прочитать название.

Качество оформления книги «Ранения нервной системы» еще ниже; это настоящий типографский брак.

Руководители типографии знают, конечно, об этих фактах, но решительных мер к их устранению не принимают. Больше того, они успокаивают себя тем, что типография длительное время выполняет финансовый план. Однако выполнения плана она добивается несложным путем — печатанием афиш, разного рода бланков, пригласительных билетов и пр.

Трест «Полиграфкнига» плохо снабжает типографию материалами, не знает ее нужд, не вникает в производственный процесс, не заботится об укреплении предприятия кадрами.

Качество полиграфических работ других типографий Иркутска и области еще хуже. Основная беда—отсутствие квалифицированных наборщиков, печатников, переплетчиков. Вместо того, чтобы терпеливо и настойчиво готовить новые кадры полиграфистов, типографии переманивают рабочих друг у друга.

Странную позицию невмешательства в это большое, подлинно государственное дело занимает Областной отдел по делам полиграфии. Он только распределяет фонды, поступающие из Москвы. Казалось бы, отсутствие кадров полиграфистов должно было серьезно обеспокоить его. Но куда легче заниматься распределением централизованных фондов, чем по-деловому руководить полиграфическими предприятиями области.

Нужны решительные меры по улучшению иркутских типографий, надо повысить качество, ускорить сроки выхода книг. Кроме того, необходимо, чтобы трест «Полиграфкнига» и Министерство трудовых резервов открыли в Иркутске ремесленное училище полиграфистов.

И. МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ, Ю. ЛЕВИТАНСКИЙ, Г. МАРКОВ, А. КУЗНЕЦОВА, И. ЛУГОВСКОЙ.

К пленуму правления союза писателей СССР

БОЛЬШЕ ПЬЕС—ХОРОШИХ И РАЗНЫХ!

К. РУДНИЦКИЙ

Правда конфликта и правда характера

Драматургия наших дней часто бывает чересчур рационалистична. В большинстве новых пьес замечается огромное внимание авторов к основной «конструкции», к главному сюжетному ходу драмы или комедии. В этом ничего дурного нет. Дурно то, что конструкция чаще всего—искусственна. Создается впечатление, что автор ничего не знал о своих героях, пока не «сконструировал» интригу. А затем уже он все усилия отдает последовательному, многотрудному обоснованию своего замысла. Тут уж драматург не заботится о правде отдельных характеров, о богатстве духовного мира своих персонажей. Персонажи не живут в такой пьесе естественной собственной жизнью. Они становятся слугами автора, наделяющего их то противоречивыми чертами характера, то одной какой-либо необходимой ему чертой. Это не люди, это даже не роли, это просто винтики драматической машины. И ведут они себя так, что зрители диву даются. Персонажи начинают нелепо заблуждаться, хотя, казалось бы, они гораздо выше своих заблуждений, которые вызывают в зрительном зале лишь холодное раздражение: «До чего глуп человек!» Потом раскаиваются в своих заблуждениях, внезапно прозревают, почуяв близость развязки.

Речь идет не о том, с чего начинать драматургу. Не будем вторгаться в «творческую лабораторию». Но попытаемся все же понять, что именно порождает эти типичные недостатки новых пьес.

Пьеса А. Гольдеса «Другие люди» не привлекла внимания большинства наших театров. Она прошла лишь на нескольких сценах и уже забыта, хотя на титульном листе ее обозначен год 1948. Пьеса «Другие люди» легка для всякого коллектива—одна декорация, три акта, шесть действующих лиц. Более того, на первый взгляд в ней «все на месте»: в первом акте экспозиция (старый ученый, руководитель института, не понимает новаций своего помощника, молодого ученого), во втором акте кульминация (старый ученый от имени института отказывается сообщить в академию о достижениях молодого ученого), наконец, в третьем акте развязка (старый ученый признает свои ошибки и едет в Москву вместе с молодым ученым). Все это сдобрено любовной интригой, и в финале автор, в виде поощрения за упорство, отдает молодому ученому руку и сердце долго колебавшейся девушки. Как видите, конструкция простая, так сказать, «крепкая», новое торжествует победу над предрассудками старого, а уверенный в себе автор торжествует успех. Но вот последнего почему-то не случается! Почему же?

Кто такой этот старый ученый Борис Георгиевич Лебедев? Он умный, энергичный человек. У него хватает темперамента и воли весьма настойчиво полемизировать со своим оппонентом. Он явно не утратил ни молодости духа, ни остроты восприятия жизни. Ничто в его характере не говорит о том, что он должен был «остановиться», как хочется автору. Но автор твердо решил изобразить борьбу между человеком «остановившимся» и новатором. Потому, будет ли он смущаться тем, что старому медику, ярому спорщику, человеку с большим умом и большим достоинством, приходится навязывать нелепые фразы, нелепые поступки? И вот, как только профессор вступает в спор с молодым ученым Разумовским, ему сразу изменяют и темперамент, и ум, и ясность аргументации. В эти минуты Лебедеву изменяет собственный его характер! — Почему вы так олимпийски спокойны?! — атакует Разумовский. — Все идет по плану... — бормочет Лебедев. — Черепашьими темпами? — иронизирует Разумовский. И тут уже старый профессор переходит на детский лепет: — Медленно... об'ективные условия... — запинается он. А в конце пьесы, конечно, прозревает и с той же постыдной, невероятной примитивностью наставительно заявляет («к самому себе»,—как гласит предусмотрительная ремарка драматурга): — Старые привычки, предрассудки...

Вряд ли стоит подробнее говорить о пьесе «Другие люди». Но в ней особенно отчетливо дала себя знать та тенденция, которая приводит к неудаче или умаляет возможный успех многих наших драматургов.

В чем же все-таки корень зла?

Беда в том, что в пьесах, подобных (а то и тождественных) пьесе «Другие люди», драматический конфликт существует только формально. Он лишь назван, обусловлен. По сути дела, жизненного конфликта в этих пьесах вовсе и нет. Автор как бы предлагает зрителям: давайте условимся, что один из героев — отсталый, другой — передовой. Раз так, значит они станут между собой бороться. Пусть поборются, а мы посмотрим. Но ведь бороться им незачем! Их взгляды, их мысли, характеры — все это никак не обязывает к поединку. Обязывает лишь произвол автора. И герои «борются», причем поневоле кривят душой, кривят характером, если позволено будет так выразиться. Это — не конфликт, это — сплошное недоразумение.

Перефразируя известное изречение, можно сказать: «конфликт — оружие острое, надо с ним обращаться умело». Константин Финн написал занятную и веселую комедию «Не от мира сего». В ней немало забавных положений. Но в основе этой комедии лежит конфликт серьезной драмы. Мы можем посмеяться над комичным враньем старика Занозина, сочиняющего фантастические небылицы о своих воображаемых странствиях по Уругваю и Аляске. Мы радуемся тому, что его мечта о путешествиях, наконец, осуществилась и он может уже не лгать, рассказывая об увлекательной поездке на Дальний Восток. Но мы вовсе не склонны смеяться над горем молодого инженера, вынужденного развестись со своей еще более молодой женой. В семье Виноградовых столкнулись два разных понимания жизни. Мечта Алексея — мечта творческая. Он весь в работе, весь в своих проектах. Мечта Ляли — мечта мещанская, ее идеалы — успешная карьера мужа, хорошая квартира, нарядные платья. Она готова использовать служебное положение мужа, лишь бы добиться некиих материальных благ. Она стяжает все, что возможно, эта юная приобретательница, маленькая хищница. Супруги разводятся, оба удручены. Что же тут смешного?

Не сомневайтесь: Финн сумеет рассмешить. С ловкостью опытного комедиографа он обставит все дела так, что вы и не заметите, как обойдена серьезная, драматическая, даже поучительная сторона всей этой истории. Но вы заметите все же, что эта операция не проходит безболезненно. Стяжательница Ляля окажется к концу таким наивным, таким безопасным существом, что вы поневоле задумаетесь над вопросом: куда испарилась ее агрессивность? Вы будете долго думать над тем, как могут сочетаться в ней самоотверженная любовь и расчетливое равнодушие к любимому, огромный волевой напор и детская неуверенность в себе. Она всеми командует, эта Ляля — такая искренняя в любви, такая скромная, такая ласковая, откюдь не коварная. Отчего же в семье все ее слушаются, все ее боятся? На эти вопросы ответа нет. Характер Ляли — нечто совершенно неопределенное. Вся рассказанная К. Финном история теряет смысл, тонет в смехе.

Многие драматурги забывают, что сюжет драмы — действенное развитие ее конфликта — дело не одного расчета, это дело вдохновения, воображения, творчества. Холодный расчет всегда подводит. Он навязывает драматическую борьбу людям, между которыми, в лучшем случае, возможно простое сравнение, но невозможен идейный конфликт. Он создает искусственные ситуации, ложные мотивировки, неоправданные изменения характеров. Он, в конечном счете, превращает драматурга в неловкого повелителя случайностей, несообразностей, сюрпризов. А ведь в драме все должно быть не только возможно, но — **единственно** возможно. Каждая реплика, каждый поступок непременно, необходимо продиктованы характером героя — вот чего надо добиваться, вот что определяет правду конфликта, правду ситуации.

Значит, дело не только в том, чтобы увидеть в жизни конфликт. Задача труднее. Конфликт должен быть воплощен с предельной остротой в ситуации несомненной, достоверной, раскрывающей характеры во всей полноте, а не требующей доказательств вопреки правде характеров.

Нам кажется, что в драматургии легче, чем в каком-либо другом искусстве, отличить то, что найдено холодным расчетом, «алгеброй» или простым подражанием, от плодов настоящего творчества, от жизненного опыта, осмысленного художником. Конфликты некоторых новых пьес, к сожалению, часто выдают сухую рационалистичность, надуманность их построения. Это сильно вредит нашей драматургии.

Теория бесконфликтной драмы уже давно на практике доказала свою несостоятельность. Чем жизненнее, драматичнее и острее конфликт, тем лучше для пьесы. В нашей жизни идет большая кипучая, энергичная борьба за утверждение нового, передового во всех областях строительства. Ее ведут реальные, живые люди. Их позиции, их союзники и противники в борьбе определяются мировоззрением, степенью идейной и моральной зрелости, характером каждого. Увидеть эту борьбу, воплотить ее в драме — значит, прежде всего, увидеть этих людей, понять их, полюбить одних, осудить других. Увидеть эту борьбу — значит утвердить в драме победу нового над старым.

Успех лучших пьес театрального репертуара обусловлен тем, что в основу их положен подлинно драматический жизненный конфликт.

В пьесе А. Сурова «Далеко от Сталинграда» коллизия была не только взятой из действительности, но и воплощенной в живых характерах. Мы полюбили и запомнили пылкого Березина. Мы почувствовали и поняли «остановившегося» Оседелько. Жизнь была поэтически воспринята и умно сконцентрирована в этой драме.

Пьеса А. Софронова «Московский характер» вошла в репертуар многих наших театров, пользуется заслуженным успехом. Пьесу отличают живое чувство современности, наблюдательность, добротный юмор. Успех пьесы — результат острого, партийного разрешения главной проблемы произведения, его публицистической яркости, его идейной зрелости. Автор подметил в реальной жизни то противоречие, которое сделал конфликтом своей драмы, и, в главном, талантливо и умело довел его до степени театральной выразительности. Замысел автора верен. В жизни так бывает — увлечется человек своими успехами, возрадуется тем, что идет все дальше и дальше по привычному пути, и уже не хочет видеть никакой другой дороги. Успехи кружат голову, признание заслуг создает иллюзию собственной непогрешимости. И вот уже руководитель возомнил себя маленьким диктатором, вот уже не хочет знать ничего нового... Такой человек может затормозить, остановить живое, новое дело. С такими людьми следует бороться. Значит, повторяем, конфликт пьесы «Московский характер» — конфликт жизненный, правдивый.

Однако, как уже отмечалось критикой, верный замысел этой талантливой пьесы осуществлен с недостаточной последовательностью и ясностью. Жизненный конфликт произведения не находит точного, единственного неоспоримого выражения в ключевом событии сюжета—в отказе директора завода Потапова приступить к производству новых станков.

Почему Потапов отказался принять заказ? Автор вначале рекомендует его, как человека волевого, горячего, энергичного. Он не просто выполняет план, он его перевыполняет, — завод дает сто шестьдесят четыре процента.

Такова рекомендация, выданная Потапову в начале пьесы. Но вскоре автор заставляет нас насторожиться.

Завод, которым руководит Потапов, выпускает сельскохозяйственные машины. Директор соседнего текстильного комбината Северова просит его принять заказ на изготовление новых, только что изобретенных станков для окраски тканей. Потапов отказывается. Почему? По причинам, которые могут показаться вполне резонными. Мы только что узнали, что завод его загружен заданиями до предела. Мы вообще подозреваем, что станки для текстильной промышленности не делаются на заводах сельскохозяйственного машиностроения. Мы думаем, наконец, что Потапов не вправе принять такой заказ — это просто вне его компетенции.

А ведь именно этот отказ и есть, по замыслу автора, коренная ошибка Потапова. Именно этот эпизод должен раскрыть нам его определенную ограниченность, отсталость.

Но для того чтобы доказать жизненность подобного конфликта, надо поставить Потапова в такое положение, в котором его заблуждения были бы совершенно очевидны.

На наш взгляд, характер Потапова предстал бы перед зрителями еще более достоверным, если бы драматургу удалось найти неоспоримую мотивировку ошибки своего героя.

Такие пьесы, как «Далеко от Сталинграда» и «Московский характер», при их частных недостатках определяют наиболее плодотворное направление нашей драматургии, видящей цель свою в изображении реальных жизненных противоречий, в утверждении победы нового над старым.

Подметив реальное противоречие действительности, сконцентрировав его до напряженности драматического конфликта, драматург должен смелым и ясным воображением художника представить себе единственно возможный реальный ход реального столкновения реальных характеров. Правда конфликта, а, значит, и всех положений пьесы, должна находиться в диалектическом единстве с правдой характеров. Органически рождаясь из столкновения характеров цельных, слитных, наблюденных писателем в жизни, конфликт драмы должен эти характеры раскрывать в действии.

Ник. ПОГОДИН

РУКОПИСНАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Мне всегда представлялось странным существование нашей драматургии как литературной отрасли, предназначенной исключительно для театра. Мы скромно или, что гораздо вернее, келейно, в стороне от большой литературной жизни распространяем пьесы со стеклографа или пишущей машинки, а потом какую-то часть наиболее интересных из них издаем отдельными книжечками в издательстве «Искусство».

Порядок этот установился очень давно. Еще пьесы Островского театр играл с рукописи, для того, чтобы ускорить постановку новой пьесы на сцене. Дело это оперативное, практически важное, по существу, техническое. Очень хорошо, если новые пьесы сезона театры наших областей и республик ставят почти одновременно с Москвой.

Но плохо, что техника распространения пьесы превращается в принцип, по которому вообще устанавливается, что драматическое произведение предназначается только для театра, осуществляется только через театр и, следовательно, самостоятельного литературного значения не имеет. Наши толстые литературно-художественные журналы, за исключением, пожалуй, «Звезды», пьес не печатают,—отсюда делается вывод, что пьесы читать не надо, их надо смотреть со сцены, и что театр есть единственная общественная трибуна драматургии.

Этот взгляд,—а он имеет много сторонников в среде сценических писателей, — отрывает, обособляет драматургию от литературы и даже, если говорить прямо, этот взгляд выражает наши тайные стремления прятаться за могучие плечи театра, который окрасит и пополнит жизнью иную тусклую словесность и плохое художество. Бывает иначе. Театр может исказить пьесу—и даже до неузнаваемости. Вот тогда драматург вспоминает, что он писатель, автор. Он начинает носиться со своим литературным произведением, защищая свое авторство, предлагая прочесть его рукопись в литературном подлиннике, но рукопись его прочтут два-три специалиста, и тем дело кончится.

Надо ли доказывать всем общеизвестное? Надо ли рассуждать на хрестоматийную тему о том, что драматургия есть особый и самостоятельный род литературы? Если на эту тему спорить бессмысленно, то почему наша драматургия все же существует **не как литература, доступная читателю, а как узко профессиональный, репертуарный источник, интересный только театру и специалистам драматургии?**

Такое однобокое, замкнутое, келейное существование драматургии, попросту говоря, отрицает, а то и сводит на-нет нашу литературную ответственность, уводит драму в сторону от литературной жизни, с ее соревнованием, с ее насущными проблемами. Да, конечно, предназначение пьес — это сцена со всеми ее требованиями и законами, но сцена осуществляет художественное произведение, а не повод для спектакля, и достигает больших успехов, когда ставит пьесы, имеющие высокое самостоятельное литературное значение.

Держаться за косный профессионализм, прятаться за театр, остерегаться читательского ока — значит, по-моему, тормозить развитие отечественной драмы, искусственно отрывать драматургию от литературы.

И пока драматургия не получит своего журнала, где бы наши пьесы печатались, как литературные произведения, где бы серьезно разрабатывались вопросы теории драмы, до тех пор драматургия не выйдет на большую дорогу советской литературы.

Серафима БИРМАН

ПОРА!

Драматурги и актеры, мы давно упрекаем друг друга. Актеры не всегда удовлетворены пьесами, драматурги не в восторге от режиссуры и исполнения. Не друг перед другом мы виноваты, мы можем оказаться виновными перед временем и народом.

Не полон смысл жизни, если мы вместе исчерпывающе, сердечно и мастерски не отразим на театре нашего времени, не подойдем творчески к темам наших дней, к образам советских людей. Пора! Давно пора!

В пьесах советских драматургов актерам легче строить мост близости между сценой и зрителями. Зрители, больше взволнованные своей родной жизнью, чем жизнью прошедших веков, быстрее посылают навстречу сцене, на которой исполняется современная им пьеса, свое внимание и братское доверие. Между сценой и зрителями тогда, кроме слов драматурга, произносимых актером вслух, возникает и другой разговор—безмолвный, горячий, обоим собеседникам больше слов понятный.

Мы, советские актеры, не можем жить без советских драматургов. Нам не миновать совместной упорной работы, творческой дружбы, основанной на полной откровенности, избавленной обоюдными нашими усилиями от взаимной лести, от взаимных потачек, от «приятельства». Неискренность парализует стремление к труду, охоту к риску, рвение к поискам, отнимает все то, без чего никогда не услышишь голоса народа, без чего никогда не открыть нового.

Человек—тема драматургии и театра. Как и какого явить человека перед тысячью людей зрительного зала, чтобы завладеть их пристальным вниманием?

Сценический образ не заживет на театре, если он не согрет искренностью драматурга и актера, он не жизнеупорен. Человек, являемый со сцены, должен быть узнан зрителями, понятен им, но не разжеван: персонаж, разгаданный с первого своего появления, лишний уже во втором появлении. И горе зрителям, если драматург «расфасовал» этот ненужный персонаж по всем актам пьесы, а актер не оправдал его существования.

Самое бесславное пребывание актера на сцене—это тогда, когда драматург заваливает его роль беспричинными, «лобовыми» словами. Под «лобовые» слова нельзя подвести подтекста, актеру нельзя тогда воспользоваться могучей силой иносказания. Не может состояться сценическое перевоплощение, раз не дан драматургом точный чертеж человеческой души, не указаны особенности характера, не определены масштабы мышления, не показано, как сознание данного человека воспринимает и отражает мир.

Характер, своеобразность, неповторимое сочетание черт и качеств — вот к чему устремлены драматургия и театр. Мало драматургу очертить характер, надо показать закономерность его развития, движения. Смертельный враг искусства — статичность.

Искусство театра должно сказать правдивое, хорошее и свое слово о советском человеке. Из пьес советских драматургов пусть узнают о советских людях первого полувека первого в мире социалистического государства, о доблести их труда, о героической борьбе за жизнь, об их любви, об их верности величайшим идеям коммунизма. Пусть живописью слов всегда живыми пребудут они в веках.

Виктор КОМИССАРЖЕВСКИЙ

Встреча с героем

В ненастные январские дни 1945 года на крымский берег с парохода сошли новоселы. Они приехали с разоренных немцами земель Ростовщины и Кубани.

Тоскливо и бесприютно было людям на новой земле. Природа, казалось, испытывала силу своих новых хозяев: на маленькую деревушку с гор ринулись камни — оползни, хлынули, заливая село, горные потоки. По пояс в ледяной воде, на жестоком, сбивающем с ног ветру работали люди, строя плотину. Выстроили. А потом с таким же упорством взялись за новые и такие не привычные для них, хлеборобов, дела, как виноград, табаки, инжир. Когда зазеленели их виноградники, когда вытерли они пот и оглянулись вокруг на дело рук своих, тогда, как сказал мне один из них, они «заинтересовались красотой». Глядя на синие очертания далеких гор, на буйное цветение садов, они мечтали теперь, почувствовав себя снова хозяевами земли, — вырастить здесь новые, неведомые для этих мест плоды и деревья, построить водохранилище в горах, создать здесь такую жизнь, какой никогда еще не было до них.

Обо всем этом говорилось на колхозном собрании новоселов села Васильевки, близ Ялты. Слушая их в этот вечер, думалось о том, сколько истинного драматизма заключено в каждом дне борьбы нашего народа, какое богатство совершенно новых по своей природе драматургических конфликтов несет в себе она и как неполно, с какими обидными потерями отражается порой наша жизнь в пьесах многих наших драматургов, не умеющих видеть и находить эти новые конфликты, да, в сущности, подчас очень приблизительно знающих и самую жизнь.

Театр жадно ждет, ищет встречи с драматургом, открывающим перед ним и зрителем новый мир людей и явлений, доподлинно им знаемый, по-новому им увиденный, «открытый» в необозримом океане нашей жизни, как новая и прекрасная земля. Расцвет русского театра всегда был связан с такими открытиями, всегда был связан с мощным под'емом национальной, освещенной передовыми идеями, современной театру драматургии.

Так открыл в свое время новый для русского театра мир Замоскворечья Островский. «До сих пор известно было только положение и имя этой страны, — говорил он сам, — что же касается до обитателей ее, т. е. образ жизни их, язык, нравы, обычаи, степень образованности, — все это было покрыто мраком неизвестности». Так доподлинно знал своих героев Чехов, открывал новые, мощные пласты русской жизни Горький. И это определяло театр. Был «театр Островского», «театр Чехова», «театр Горького». Классические спектакли советского театра также связаны тем, что писатели принесли в драматургию свою тему, свои достоверные жизненные впечатления, свои открытия — Вс. Иванов, К. Тренев, Н. Погодин. И поэтому неудивительно, что сегодня, когда в нашей советской прозе живет неизмеримо большая, чем в драматургии, достоверность знания жизни современника, большая сила и масштаб идей времени, — театр часто вступает на территорию повествовательной литературы.

Правда жизни, заключенная в прозе, побуждает театр устремляться в жизнь, в познание ее, человечески и творчески, по хорошему слову латвийского поэта Я. Райниса «меняться вверх». Для театра спектакль становится кровным, личным, партийным решением большой жизненной задачи, чем-то неизмеримо большим, чем просто очередная премьера, становится его гражданской и художественной миссией. Мне рассказывал молодой драматург, капитан-сталинградец Юлий Чепурин, что, когда он писал в разгар сталинградских сражений, в блиндаже, среди крови и бреда раненых, свою пьесу, он говорил себе: «Я должен рассказать о тех, кто сражается, умирает и побеждает рядом со мной, это мой долг, моя миссия». Когда есть такая сверхзадача у драматурга, тогда театр может работать с автором, раскрывать перед ним сложные законы сцены, вместе искать законы новые, ибо нет того правила, которое нельзя было бы нарушить во имя правды жизни.

Своеобразие и неповторимость жизненного материала, заключенного в таких пьесах, определит и богатство жанров и оригинальность театральных решений. Не смогут быть уныло одинаковыми спектакли и театры, когда богата красками и новизной будет заключенная в пьесах жизнь. Глубокое проникновение в жизнь пьесы и индивидуальность автора определят новаторство формы. Как говорит горьковский Тетерев в «Мещанах»: «Нарочно оригинальным быть нельзя».

Совершенно точное, достоверное знание, умение видеть новое в жизни, так же, как и для драматурга, обязательно для актера, режиссера, для театра в целом. Сила реализма великих русских актеров заключалась еще и в том, что, скажем, Пров Садовский великолепно знал и дружил в жизни со своим героем, студентом Мелузовым. Актеры Художественного театра запросто бывали в гостях в семье Прозоровых, а Качалов, вероятно, до рассвета бродил по московским улицам, беседуя о жизни с провожающим его после спектакля Петей Трофимовым.

Во многих наших театрах многие наши актеры весьма приблизительно, понаслышке, знают своих героев, и, когда им приходится встречаться с ними в современной пьесе, свою растерянность и незнание они прячут за привычными театральными приемами старых ролей и старых пьес. Наши люди по-иному, по-новому работают, думают, любят, грустят, радуются, говорят, шутят, ссорятся, дружат; появился совершенно новый облик, ритм, словарь, интонация, жест, а мы еще часто видим, как актер или актриса на сцене в военной шинели нашей современницы живет нервами и темпераментом Анны Карениной, бесприданницы Ларисы или Ирины из «Трех сестер».

У нас, к сожалению, еще бытуют штампы условного представления о советском человеке. Это, конечно, совсем не те штампы, против которых на заре Художественного театра воевал Станиславский. Сейчас уже почти никто из актеров, скажем, об'ясняясь в любви на сцене, не прикладывает руки к сердцу и не говорит сладким теноровым голосом с придыханиями. Нет, сейчас у нас любят на сцене сдержанно, прикрыто, но так прикрыто и так сдержанно, что этот, к примеру, новый «штамп сдержанности» заставляет порой предполагать уже полное отсутствие любви у героя пьесы и у воплощающего его на сцене актера. У нас вообще несколько стыдятся любви на сцене, особенно в серьезных, проблемных пьесах. Но ведь человек в жизни существует целиком, весь. В любви, как и в труде, раскрываются лучшие свойства человеческой души, любовь — это тоже большая и, я бы сказал, партийная тема. Хорошо говорит об этом коммунист Воронаев в павленковском «Счастье»: «Для меня любовь — это событие, решающее жизнь, — как вступление в партию».

Уметь действенно раскрыть характер героя в неразрывном единстве его личных и общественных планов — одна из основных задач наших драматургов.

Работая над одной пьесой о современной деревне, осенью прошлого года я попал в подмосковный колхоз «Пламя» Раменского района. Это было горячее время сдачи хлеба, осень была дождливая, и всех в районе — от секретаря райкома партии до колхозного сторожа — беспокоила высокая влажность овса, плохо поддающегося сушке. Никогда не забуду осунувшегося, бледного лица секретаря парторганизации колхоза, чудесной русской женщины Елены Николаевны Соленовой, вернувшейся при мне в правление с приемочного пункта. Я думал, что у нее какое-то большое, личное горе. Мне говорили, пока я ждал, что у Соленовой прихварывает ребенок, и я был уверен, что случилось несчастье. После первых минут знакомства я понял, что дело не в этом. «Ох, овес мне покою не дает, душа у меня за него болит, — сказала она, — овощи, те пойдут, а за овес я переживаю». Вот эта личная, душевная боль за дело государства, как за свое кровное дело, во всей новизне и красоте своей должна быть раскрыта драматургом и актером. До тех пор, пока автор и актер не сумеют по-человечески зажить этими общими, государственными интересами, как своими личными, интимными и страстными желаниями, нельзя говорить о современном спектакле. Когда же это происходит, на сцене сразу вспыхивает живая жизнь.

Для того чтобы эта жизнь на сцене была действительно живой, развивалась по естественным законам, важно, чтобы драматург умел последовательно и напряженно раскрыть процесс действия людей пьесы. Драма — это прежде всего движение, действие, процесс, данный в противоречии, в борьбе. Больше всего актеры любят и ждут в пьесе сцен, в которых с максимальной остротой раскрывается эта борьба в ее нарастании, в ее последовательности, ведущей к победе или поражению.

Если же драматург нарушает жизненную правду этого процесса, если он скачет через многие ступеньки сразу к результату, его неизбежно ожидает поражение. Я говорю об этом потому, что в наших пьесах очень часто существуют эти скачки, и тогда происходят те внезапные «перестройки» отрицательных персонажей, те чудодейственные переломы в настроении и поведении людей в зависимости всего лишь от нескольких «правильных слов», сказанных персонажами положительными, которые сейчас уже вызывают ироническую улыбку наших зрителей.

Нужно, чтобы наши драматурги до конца проживали за своих героев каждую минуту их жизни на сцене, — тогда актерам будет легко и радостно жить в создаваемых ими образах. Часто в театре мы бьемся над тем, что люди в пьесе говорят не то, что нужно в данный момент сказать, болтают и произносят пышные декларации, когда нужно молчать, думать и принимать решение, молчат там, где необходимо, в конце концов, высказаться. Точные, а не случайные слова, мысли и поступки обязан искать драматург для того, чтобы раскрыть глубину и богатство внутреннего мира своих современников.

Для того чтобы так жить жизнью своего героя, нужно прежде всего его доподлинно и до конца знать. Этой полноты правды о жизни и борьбе советского человека ждут сейчас театр и зритель от драматурга.

СОВРЕМЕННАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ПЯТА

«Нет Республиканской партии! Нет Демократической партии! Вы — лизоблюды, лакеи богатых. Вы подобострастно носите кровавую ливрею Железной Пяты».

Джек ЛОНДОН

Алексей ЮГОВ

Маяковский иронически пытался урезонить старого Форда:

Мистер Форд,
для вашего,
для высохшего зада
разве мало
двух
просторнейших машин?

Эти свои упреки великий поэт мог бы обратить и к вандербильтам, и к дюпонам, хотя у представителей этих семейств зады оказались и пооб'емистее, чем у Форда: в самом деле, полтысячи легковых автомобилей в домашнем гараже, — не слишком ли это много для одной семейки?

Чистоплотность, даже и многолюдной семьи, вряд ли требует 723 ванных комнат, как это имеет место во владениях Дюпонов. А самая необузданная страсть к путешествиям не оправдывает наличия 30 яхт у тех же Дюпонов, из которых одна оценивается в два миллиона пятьсот тысяч долларов. Впрочем, чему удивляться, если число прислуги у господ Дюпонов превышает всю лейб-гвардию и обслуживающий персонал дворцов английского короля! Вот нате, мол, вам: не лорд, не дворянин, а пускай попробует потягаться со мной в роскошествах сам король Британской империи!

И напрягает свое низменное и плоское воображение, из кожи лезет вон в чудовищных оргиях расточительства «капитал — его препохабие», — лишь бы только создать вокруг себя некий ореол, потрясти воображение «простых людей», сотворить легенду.

А легенды-то и не получается!

— Вы подумайте! — ворчит и недоумевает американский сверхмиллионер или миллионерша. — Какая-то там египетская царица растворила в стакане кислого вина всего лишь одну жемчужину и, вероятно, ценою не бог весть во сколько долларов, — и вот легенда об этой жемчужине живет до сих пор!.. Или эта... как ее?.. Семирамида, у которой, говорят, были замечательные висячие сады... Ну, чего тут особенного? Да вот мне, Рокфеллеру, один только уход за моим садом обходится в полмиллиона долларов в год!..—Подумаешь—жемчужина!..—возмущается миллиардерша.—Да я за один бриллиант отдала два миллиона долларов!..—А я замок святого Доната купил в Англии и целиком перетащил к себе в США,—хвалится Херст. Но вот мистер Инсул, авантюрист и сверхмиллионер, как бы в ответ, ведет гостей полюбоваться плитами чистого золота, которыми облицованы стены его домашнего бассейна...

Короли продажной печати, короли нефти и стали, свиной тушонки и электричества — все они, эти морганы, рокфеллеры, дюпоны, асторы и прочие, стараются затмить один другого роскошью, необычайностью затрат, сумасбродством выходок. Мисс такая-то завещала все свое огромное состояние кошкам; другая построила замок для собачек; третья обеспечила свою любимую собаку «личным» врачом и аптекой. Некий любитель скачек всадил в один только званый обед четверть миллиона долларов, но зато целый этаж первоклассного отеля, где обедали, был превращен в ипподром: скакали лошади, пахло конским потом...

В дюпоновских поместьях обстановка некоторых зал целиком вывезена из европейских королевских дворцов. «Дядя Сэм» давно уже мародерствует в сокровищницах искусства Европы. Существо дела не меняется от того, что оружием мародера является не нож, приставленный к горлу раненого, а доллар... впрочем, тоже приставленный к горлу тяжко израненной Западной Европы.

«Омаршалленная» Западная Европа, вероятно, и не пикнет, если завтра в газетах появится сообщение, что в счет покрытия американских поставок мистером Свинобобом таким-то вывезен в США... Парфенон.

Мы говорим здесь об американской олигархии, о тех, кого Джек Лондон в своем известном социально-фантастическом романе именует то «Олигархией», то «Железной Пятой».

**

Согласно выводам Федеральной торговой комиссии, один процент населения Америки обладает 59 процентами всего ее богатства. Это самая подлинная олигархия— власть немногих. «Америка находится в руках у 200 промышленников и 50 банкиров. Они правят страной»,—подчеркивает в своей книге «1000 американцев» Джордж Сельдес. Само собой разумеется, что эта олигархия является в то же время и плутократией — господством богатых: банкирский дом Моргана ворочает капиталами около 30 миллиардов долларов. За ним идет группа Кун-Леб, Рокфеллеров, Мэллона, Дюпонов.

Президент Авраам Линкольн незадолго до смерти своей (в 1865 году—от ножа убийцы, подосланного рабовладельцами) сказал: «Я предчувствую в ближайшем будущем приближение великого кризиса, и это заставляет меня опасаться за будущее моей родины. На престол промышленности входят крупные синдикаты, и я предвижу целую эру пресмыкания государственной власти перед властью денег. Пользуясь невежеством народных масс, эта власть денег будет укрепляться все больше и больше, пока, наконец, все национальные богатства не сосредоточатся в немногих руках, и республика перестанет существовать».

В социально-фантастическом романе, строки из которого открывают нашу статью, наряду с довольно наивными попытками Джека Лондона «положить времена и сроки» для грядущей борьбы пролетариата за социализм, невольно бросается в глаза смелое изображение «Олигархии», «Железной Пяты», в которой можно признать многие черты современной американской олигархии, идущей к фашизму.

«Американская Олигархия, — читаем мы в этом «фантастическом» романе, — уже овладела мировым рынком, и многие страны были выброшены из него со всеми непотребленными излишками своего капиталистического производства... От конгресса и сената остались одни названия: работа их была сплошным фарсом...»

Мы знаем, что уже прочно вкогтилась во взбесившееся воображение американских биржевиков, адмиралов и публицистов химера всемирного правительства, которое, дескать, должны учредить американские капиталисты. Им уже мерещится бредовая громоздкая фигура «всемирного президента» (конечно, «стопроцентного янки») с атомною бомбою, занесенной над миром, вместо пресловутого «яблока державы» в руке. Само собой разумеется, в другой руке — кошель с долларами.

Знаменитый американский писатель верно и ярко изобразил в своем произведении и все возрастающее обнищание рабочего класса США и его полное закабаление Железною Пятою. За шесть лет до появления этого социально-фантастического романа, в котором Джек Лондон старался изобразить грядущие судьбы Америки, писатель предпринял длительное обследование восточного Лондона. Потрясающие зарисовки этих трущоб легли, словно знак бича, на самодовольную физиономию «любителей экстравагантных пари», снобов и расточителей.

Вот что ему приходилось видеть в Лондоне в дни торжеств по поводу коронации английского короля: «С заплеванного липкого тротуара эти люди подбирали апельсинные корки, яблочную кожуру, черенки винограда — и ели их. Косточки слив они разгрызали зубами, чтобы извлечь оттуда зерно. Они подбирали крошки хлеба, величиною с горошину, яблочную сердцевину, черную от грязи, клали эти предметы себе в рот, жевали и глотали их».

Но ведь все это было написано еще в годы процветания английского капитализма. Мы не пытаемся представить себе, что раскрылось бы перед глазами Джека Лондона сейчас, в сегодняшней Англии. По официальным данным, питание английских рабочих достигло сейчас лишь трех пятых довоенного уровня. Но ведь, опять-таки, по английским данным, половина всего населения Англии и до войны питалась плохо, а одна десятая—голодала. Что же теперь?!

Отдаленное представление о бедствиях рабочего класса Англии в наши дни, в дни правления «рабочей» партии Бевина—Эттли, мы, быть может, получим от просмотра писем, которыми жены английских рабочих забрасывают лейбористского министра финансов Криппса. Вот некоторые из них, напечатанные в газете «Дейли уоркер»:

«Жизнь—это мучение. Я никак не могу свести концы с концами»,—гласит самое короткое письмо, адресованное Криппсу.

«Мне приходится вести хозяйство на заработную плату каменщика, — пишет жена рабочего Эстона, — мне приходится экономить за счет здоровья детей. Таких, как я, миллион. Нужно что-то предпринять, иначе мы все погибнем».

Под эгидою лейбористов Лондон обогатился целым пригородом хижин. Вот что рассказывает о жизни их обитателей английская же печать:

«Когда идет дождь, вода проникает в жилье через крышу, под двери, просачивается через щели в дверных рамах. Влага собирается на стенах и на полу внутри хижин, мебель гниет. Постельное белье становится влажным, кожаные предметы—ботинки, туфли и пр. покрываются зеленой плесенью. Летом солнце раскаляет железную крышу и воздух хижины становится затхлым. Молоко прокисает через несколько часов, масло превращается в жидкость, дети и взрослые проводят бессонные ночи. Зимою у детей — поголовное воспаление легких. У взрослых — тяжелые формы ревматизма».

Около 90 лет назад Ф. Энгельс в знаменитой книге «Положение рабочего класса в Англии» писал о тягчайших бытовых условиях рабочего населения крупнейших индустриальных центров Англии. Рабочие кварталы Манчестера Энгельс назвал «мрачной дырой». И вот, оказывается, спустя почти столетие, это название полностью определяет и современное состояние жилищ английского рабочего в таких городах, как Лондон, Манчестер, Глазго, Ливерпуль!

Английский коммунист Аллен Хатт выпустил книгу под тем же названием, что и книга Энгельса, — плод своего длительного обследования, — и вот попрежнему «мрачной дырой» предстают перед нами рабочие кварталы Манчестера. 132 тысячи человек обитают в жилищах, абсолютно для жизни не пригодных. Туберкулез уничтожает детей. Но известно, что туберкулезной палочке больше «нравятся» дети рабочих кварталов. По данным Хатта, если в буржуазном квартале смертность от туберкулеза меньше одного на тысячу, то в рабочем районе смертность эта в 27 раз больше!

Нам, советским гражданам, уже давно стала ясна истинная причина такого «избирательного» отношения туберкулезной палочки к своим жертвам. И для Англии мы эту причину усматриваем в том, что кучка богачей — всего 1,6 процента населения метрополии — захватила в свои руки 68 процентов национального богатства в Англии.

Еще Маркс указывал, что накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе. Ленин в статье «Обнищание в капиталистическом обществе» писал: «...Рабочий нищает **абсолютно,** т.-е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недоедать, ютиться по подвалам и чердакам.

Еще нагляднее, однако, **относительное** обнищание рабочих, т.-е. уменьшение их **доли** в общественном доходе. **Сравнительная** доля рабочих в быстро богатеющем капиталистическом обществе становится все меньше, ибо все быстрее богатеют миллионеры».

На родине Джека Лондона бедствия трудового населения под гнетом Железной Пяты также не поддаются описанию. Выступая в Луизвилле 24 августа 1948 года, Генри Уоллес заявил:

«В Кентукки и во всех уголках США миллионам людей, которые построили нашу страну, платят нищетою и смертью. Народ убивают не пушками или бомбами, а ужасными санитарными условиями в домах, отсутствием больниц и высокими ценами на продовольствие».

В балтиморской газете «Сан» было напечатано письмо в редакцию некоего Ганса Фреличера. Фреличер пишет: «В Балтиморе в настоящее время имеются обширные и опасные трущобы, которые, как рассадник преступлений, болезней и смерти, представляют опасность для всего города. Согласно переписи 1940 года, из семи самых больших городов Соединенных Штатов в Балтиморе—наиболее высокий процент развалившихся домов, не имеющих элементарного санитарного оборудования, в частности уборных».

Таково прямое следствие того, что на другом «полюсе» американского общества кое у кого и стены уборных выложены золотыми плитами...

Обнищание американского пролетариата, «людей бездны», мы полагаем, неразрывно связано с тем, что за время войны прибыли концернов достигли астрономических, умонепостигаемых цифр—52,9 миллиарда долларов!

А на другом «полюсе», в жилищах «людей бездны», господствует медленная «смерть стиля 1948 года», как называет жизнь и быт американского рабочего журналистка Бетти Мурстин, производившая бытовое обследование.

Известно, что капитализм и его прибыли немыслимы без «резервной армии» безработных. Однако получение работы, хотя бы и самой грязной и вредной для здоровья, как, например, чистка канализационных труб, зачастую недостижимо для американского безработного. На многих предприятиях красуется надпись: «Рабочие свыше 40 лет не принимаются». И какой-нибудь бедняга Смит вынужден пускаться на хитрости, чтобы только продать капиталисту свои мускулы. Артур Голичер в своей книге «Америка сегодня и завтра» писал: «Сплошь и рядом случается, что рабочие, прежде чем итти на работу, чернят волосы на висках сапожной ваксой. Одни румянятся, другие тратят 10 долларов в месяц на препараты, стимулирующие сердечную деятельность во время работы».

Так вот он каков, пресловутый «американский образ жизни»!

Такова жизнь американского народа под игом «Железной Пяты».

Социально-фантастический роман Джека Лондона, в котором мы отмечали разительные примеры художнического предвидения, не пользуется почетом у буржуазных кругов Америки. Но можно не сомневаться, что американский рабочий и разоряемый фермер — те неоднократно задумывались над словами своего знаменитого соотечественника.

«В самом скором времени мы лишимся последних ничтожных прав, которые еще есть у нас. И Железная Пята пройдет по нашим лицам... Система управления до такой степени груба и преступна, что неизбежно должна быть уничтожена!»

Георгий ГУЛИА

МИЛЛИОНЫ ПРИШЛИ В ДВИЖЕНИЕ

Так называемое приобщение районов Юго-Восточной Азии к буржуазной цивилизации, произошедшее несколько веков тому назад, — одна из самых мрачных страниц истории человечества. Зверская колонизация этих районов, начавшаяся вслед за открытиями Кука и Магеллана, по сути дела, не изменилась до наших дней: та же жестокость поработителей, та же кровь порабощенных. Изменились только масштабы. Империализм стал еще более прожорливым.

Сначала были пряности... Пряности эти, шедшие с только что открытых богатейших островов и стран, получили реальное денежное выражение. Европейские колонизаторы жадно накинулись на добычу: Индия, Бирма, Индо-Китай, Индонезия, Малайя— все, до последнего островка, в этом обширном районе было поделено. Перед мощью британского льва склонилась Индия. Голландцы оседлали богатейшие острова Индонезии. Франции достался Индо-Китай...

Интерес к пряностям сменился более насущной потребностью в рабском труде, каучуке, нефти, олове. Была организована мощная система колониального угнетения, по сравнению с которой походы Кортеса и Пизарро кажутся всего лишь безобидными шалостями.

Но время шло, и то, что вчера казалось неотвратимым бедствием, сегодня вызывает возмущение народов. Азия ныне охвачена пламенем национально-освободительной борьбы. Индийский народ борется против мнимых свобод, дарованных ему; индонезийцы больше не желают покоряться своим бывшим хозяевам — голландским колонизаторам; малайцы восстают против своих исконных поработителей — британских плантаторов; народ Вьетнама с оружием в руках добивается свободы, не ожидая получить ее из рук приспешников Жюля Мока; бирманцы сражаются со ставленниками иностранного капитала.

Миллионы людей, населяющих Азию, пришли в движение. И здесь, как и во многих других частях мира, сказывается поступательное движение истории.

Этот очевидный факт вынуждает Черчилля и его учеников на все лады шуметь о некоем мифическом заговоре. В ход пускаются всем надоевшие слова о «красной опасности». Однако малайцы и индусы, индонезийцы и вьетнамцы — все они знают истинную правду, ибо правда эта рождена народной кровью. Такую правду не закопать, не затемнить никакими баснями. И она очень проста.

Многострадальный народ Индии веками жаждал свободы. Наконец, она ему была обещана с трибуны английского парламента. Что получили индусы? Они получили страну, раскроенную надвое по религиозному признаку. Они получили кровавую междоусобицу и миллионные толпы бездомных беженцев. Они получили правителей, через которых попрежнему управляют страной английские хозяева.

Аналогичная картина и в Бирме. В дни японского нашествия народ уходил в горы, собирал армию Сопротивления, дрался против оккупантов. Война кончилась. Бирме, как и Индии, была обещана свобода. Но ее нет и в помине! Вместо нее явились старые хозяева — английские колониальные войска и начали наводить старые колониальные порядки.

В 1946 году предатели типа Такин Ну заключили договор, в силу которого за Англией сохраняется прежнее господствующее положение в Бирме. И нет ничего удивительного в том, что простой человек невольно задает себе вопрос: «Во имя чего я сражался против японских захватчиков? Во имя того, чтобы явились другие захватчики и чтобы, как и раньше, свистел надо мной бич плантатора?»

Народ Вьетнама тоже героически боролся против японских милитаристов. А нынче он, отстаивая свою свободу, сражается против иностранного легиона, посланного в Вьетнам Анри Кэем и Жюлем Моком. Девять десятых страны охвачено партизанским движением. Крестьяне, доведенные до отчаяния, уничтожают имущество французских плантаторов, выкуривают из деревень войска и колониальную администрацию.

В соседней Малайе английские войска затеяли настоящую войну с участием воздушных сил. Все здесь организовано по гитлеровскому образцу: пылающие деревни, массовое уничтожение людей, охота за беглецами...

Но народ не сдается. Население уходит в джунгли — там бессильны английские «спитфайеры» и танки. Для охоты за людьми, ушедшими от расправы в джунгли, колониальные власти забрасывают туда людоедов из племени даяков — «охотников за черепами». Первая партия — полсотни людоедов, вооруженных кривыми саблями,—уже действует в джунглях. Такова «новая» колониальная политика английского лейбористского правительства.

В продолжение нескольких лет народ Индонезии ведет вооруженную борьбу против голландских эксплоататоров. В индонезийские дела активно вмешиваются США. Идет закулисная возня вокруг планов организации Соединенных Штатов Индонезии. Делаются попытки подточить животворные народные силы, нащупать предателей и заставить страну снова стать на проторенный путь рабского послушания. Но народ, стремящийся к свободе, не покоряется.

Империалисты на всех перекрестках вопят о скверных делах в Юго-Восточной Азии. И действительно, их положение ухудшается с каждым днем. От векового сна пробуждаются миллионы. Индия, Бирма, Малайя, Вьетнам, Индонезия — эти отдаленные уголки, откуда стоны подневольных народов с трудом долетали до европейского слуха, сегодня пришли в движение, мощно заявили не только о своем существовании, но и о решимости завоевать свободу.

В сознании народных масс происходят большие перемены. Если сегодня империалистам еще удается по языковым, религиозным или еще каким-либо иным признакам раз'единять народы, тем самым ослабляя их сопротивление, то завтра сделать это будет невозможно.

На юго-востоке Азии обильно льется народная кровь. Вооруженные до зубов современные конквистадоры, благословляемые «социалистическими» правительствами, пытаются удержать свои колониальные владения. Но тщетно! Колесо истории делает очередной поворот. Над странами, испытывающими нечеловеческий гнет, занялась новая заря.

Г. СПАСОВ

Церковный „план Маршалла“

Не так давно в Амстердаме после двухгодичной подготовки состоялась генеральная ассамблея христианских церквей. Она была созвана Всемирным советом церквей—временным центром так называемого экуменического (вселенского) движения. Цель ассамблеи—создание единой вселенской церкви, долженствующей, будто бы, способствовать внедрению в народные массы «богословских знаний и христианской морали».

На деле же благочестивые рассуждения о христианских идеалах служат экуменическому движению, тон которому задают американские реакционеры, дымовой завесой для прикрытия отнюдь не христианских намерений. Эти намерения сводятся к служению мировой реакции, борющейся против демократического лагеря, возглавляемого Советским Союзом. Поэтому и в повестке дня ассамблеи отсутствовали богословские вопросы, хотя ими, казалось бы, больше всего к лицу заниматься церковным деятелям.

В связи с этим один из делегатов от протестантской церкви метко заметил, что планы ассамблеи представляют собой не больше, чем церковную разновидность «плана Маршалла». Он недвусмысленно дал понять, что не испытывает ни малейшего сочувствия к планам «маршаллизации» церкви и американизации христианства.

Инициаторы и руководители ассамблеи заранее предвидели возможность выступлений инакомыслящих представителей церкви. И вот специально для того, чтобы «открыть глаза» на эту «опасность», многочисленная американская делегация за десять дней до открытия ассамблеи созвала в Амстердаме «Международный конгресс верных библии церквей». Решения конгресса предопределили характер и направление работы ассамблеи.

Два выступления на ассамблее с достаточной наглядностью и полнотой показали, чего хотят американцы от христианских церквей: это выступления известного поджигателя войны Джона Фостера Даллеса и нью-йоркского профессора богословия, или, лучше сказать, профессора нью-йоркского богословия Нибура.

Даллес, являющийся крупным дельцом с Уолл-стрита и занимающий также высокое положение в церкви, олицетворяет собой блок доллара и креста. Его речь полностью разоблачила американскую политику использования церкви в борьбе против демократических сил мира, в целях разжигания новой войны, которую он считает «наименьшим злом».

Газета «Нью-Йорк стар», комментируя выступление Даллеса, писала, что Христос для него — это символ, которым следует пользоваться в «холодной войне», и что если бы Христос был похож на Даллеса, то, вероятно, вместо проповеди своего учения открыл бы нотариальную контору в Иерусалиме для обслуживания богатых фарисеев и, конечно, ратовал бы за мир, но за исключением тех случаев, когда война становится «наименьшим злом»...

Что касается выступления профессора Нибура, то его весьма пространная и туманная речь сводилась лишь к злобным выпадам против коммунизма и перепевам речи своего старшего партнера.

Однако, несмотря на все предосторожности американской делегации, количество инакомыслящих на ассамблее оказалось значительно большим, чем того хотелось Нибуру и его хозяевам. Пражский профессор богословия Иосиф Громадка выступил с большой речью против тех, кто с ветвью мира в руках и атомной бомбой за спиной призывает церковь к «дранг нах Остен». Он говорил о неминуемом провале замыслов всех тех, кто рассчитывает организовать мир на антикоммунистической или на антисоветской основе.

И хотя на ассамблее можно было наблюдать умильное единение церкви «маршаллизованных» стран с «желтым дьяволом», с'езд оказался не в состоянии полностью провести предложения американской делегации.

Церковные деятели, опасаясь окончательно «растерять паству», не решились открыто стать на сторону империализма. Многие из них отдают себе отчет в том, что не в их силах направить церковный корабль по курсу, определенному уолл-стритовскими штурманами,—по курсу поддержки и оправдания поджигателей и пропагандистов новой войны. Решающее слово в этом деле принадлежит тем простым людям, на которых еще распространяется влияние церкви, но которые, как и все другие простые люди на земле, не хотят войны за чуждые им интересы, борются за мир, свободу и демократию. Потому-то терпят крах в самом зародыше попытки экуменических предводителей «американизировать христианство», навязать ему церковный «план Маршалла».

ПРОГРЕССИВНЫЕ ТРАДИЦИИ БРАЗИЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На-днях известный бразильский писатель Жоржи Амаду сделал в Центральном доме литераторов в Москве сообщение о современной прогрессивной бразильской литературе.

— Прогрессивные писатели Латинской Америки, — сказал Жоржи Амаду, — отдают все свои силы борьбе против поджигателей новой войны. Наша борьба нелегка. Наш удел зачастую — это тюрьмы и каторга, изгнание и скитание по свету. Я назову вам только одно имя — имя хорошо известного вам поэта Пабло Неруды. Он вынужден сейчас скрываться от преследования чилийских реакционеров. Тем не менее, — продолжал Амаду, — бразильская литература всегда была на стороне народа. Еще в те времена, когда Бразилия являлась португальской колонией, прогрессивные бразильские поэты каждой строкой своего творчества защищали народные интересы.

В современной буржуазной литературе Бразилии ощущается пагубное влияние северо-американских писателей.

Им противостоят подлинно передовые писатели Бразилии. Эти писатели не могут издавать свои произведения у себя на родине. Но это не ослабляет их стремления всегда выступать на стороне народа.

Я лично горжусь тем, что меня, как писателя, народ послал в парламент защищать его права и интересы. Сейчас я не имею возможности жить на своей родине, так как реакционные власти преследуют меня за мое выступление на Вроцлавском конгрессе.

В заключение я хочу заверить советских писателей в том, что передовые писатели Латинской Америки будут и впредь неустанно бороться за мир во всем мире,— закончил свое выступление Жоржи Амаду.

От имени присутствовавших писатель Леонид Леонов тепло поблагодарил Жоржи Амаду за сделанное им сообщение.

Пятидесятилетие Юрия Либединского

В Центральном доме литераторов состоялся вечер, посвященный 50-летию со дня рождения Ю. Либединского. Во вступительном слове Вс. Вишневский рассказал о том, как в трудные годы гражданской войны политрук Либединский, ведя огромную работу в армии, по ночам на оберточной бумаге писал свою первую повесть «Неделя» — о людях, борющихся за коммунизм.

А. Чаковский коротко остановился на творческом пути юбиляра.

— «Неделя» пользовалась заслуженной любовью и популярностью народа, — говорит он, — и это естественно, так как повесть отличается высокой идейностью и благородной чистотой.

Книги Ю. Либединского «Неделя», «Комиссары», повесть «Гвардейцы», посвященная Отечественной войне, роман «Горы и люди» прочно вошли в историю советской литературы.

К. Федин поздравил Ю. Либединского от президиума ССП и огласил приветствие правления Союза советских писателей.

О значении творчества Ю. Либединского говорили А. Безыменский, А. Караваева, Л. Сейфуллина и другие.

Тепло приветствовал юбиляра М. Светлов. В заключение он прочел дружеские шутливые стихи. Поэт А. Яшин также закончил свое поздравление стихотворением.

Мехти Гусейн приветствовал юбиляра от имени азербайджанских писателей. Он говорил о Ю. Либединском, как о большом друге братских литератур, отметил его значительную роль как переводчика и редактора книг писателей национальных республик.

На вечере выступили А. Барто, М. Колосов, Г. Фиш, В. Шкловский и другие. С. Евгенов зачитал телеграммы, поступившие в эти дни в адрес Союза советских писателей. Президиум Верховного Совета Кабардинской АССР, Обком ВКП(б) и Президиум Верховного Совета Северо-Осетинской республики, писатели Ленинграда, Азербайджана, Абхазии, поздравляя Ю. Либединского с его пятидесятилетием, выразили чувства глубочайшего сердечного уважения к писателю.

Ю. Либединский поблагодарил собравшихся за то, что они так тепло и по-дружески отметили его юбилей.

— В такой день видишь не только то, что сделано, но и то, что еще предстоит сделать, — сказал он. — У меня большие планы. И осуществить их мне поможет, как помогало всегда в моем писательском труде, вечно молодое учение Ленина—Сталина, постоянный источник творчества.

Новые книги

ГОСЛИТИЗДАТ

Абовян Х. Избранное. 236 стр. Цена 6 руб.

В книгу классика армянской литературы (столетие со дня его смерти исполнилось в апреле этого года) вошел роман «Раны Армении» и стихи. Сокращенный перевод с армянского М. Георгяна и С. Шервинского, предисловие С. Карапетяна, примечания Л. Халатова.

Антология поэзии Парижской Коммуны 1871 года. Составитель, редактор и автор вступительной статьи и комментариев Ю. Данилин. 407 стр. Цена 14 руб.

Антология является первой попыткой собрать воедино творчество поэтов Парижской Коммуны 1871 года.

Ауэзов М. Абай. Роман. 800 стр. Цена 13 руб. 50 коп.

Роман об известном казахском писателе Абае Кунанбаеве, жившем в XIX веке, издан впервые.

Ботев Х. Избранное. 255 стр. Цена 5 руб. 50 коп.

В книгу классика болгарской литературы вошли его стихотворения, рассказы, сатира и статьи.

Орбелиани Сулхан-Саба. О мудрости вымысла. 219 стр. Цена 5 руб.

Рустам С. Избранное. 318 стр. Цена 7 руб. 25 коп.

В книгу вошли стихи поэта за годы 1924—1948 и три поэмы — «Хороший товарищ», «Двенадцатое ружье» и «Родине».

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

ОХОТНИКИ ЗА КИНОЗРИТЕЛЕМ

По сообщению бельгийской газеты «Драпо руж», посещаемость американских кинотеатров в 1948 году по сравнению с 1947 годом упала на 25 процентов. Об'ясняется это как ухудшением материального положения широких масс американского народа, так и непрерывным снижением качества фильмов (даже с точки зрения обычных потребителей голливудской продукции).

Для того чтобы подогреть интерес масс к кино, хозяева кинотеатров пускаются на всякого рода уловки. На сцене театра, перегороженной посредине ширмой, появляется хорошенькая девушка. Среди зрителей администрация выбирает молодого человека—моряка, солдата, конторского служащего, которого заставляют занять место на сцене по другую сторону ширмы. Девушка его не видит, но может с ним переговариваться по телефону. Она спрашивает его, сколько ему лет, чем он занимается, каковы его вкусы, какого он роста, какого цвета его волосы. Если ответы удовлетворяют девушку, она приглашает своего нового знакомого провести с нею вечер в элегантном ресторане, конечно, за счет дирекции кинотеатра.

Последняя новинка — так называемые «словесные дуэли». Человек с микрофоном в кармане подходит к кому-либо на улице и задает нарочито нелепый вопрос, вроде: «Любите ли вы сыр?» или «Не страдаете ли вы от мозолей?»

Начинается обмен «любезностями», который иногда кончается даже потасовкой. Благодаря микрофону, спрятанному в кармане человека, являющегося агентом кинофирмы, публика в кинозале слышит все вопросы и ответы, а часто и звуки пощечины.

Таковы дополнительные «развлечения», предоставляемые американскими кинопромышленниками зрителям с тем, чтобы только завоевать их благосклонность...

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, Издательство — К 5-09-66, К 0-36-84.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—04215